

РОК-Н-РОЛЛ НА ЮЖНОЙ Наталья Куртукова

РОК-Н-РОЛЛ НА ЮЖНОЙ

Воспоминания и размышления
о «девяностых», о музыке и о нас

Наталья Куртукова

РОК-Н-РОЛЛ НА ЮЖНОЙ

*Воспоминания и размышления
о девяностых, о музыке и о нас*

Томск — 2019

УДК 070:78.036
ББК 76.005.31+85.318.5
Ж 72

Наталья Куртукова
Рок-н-ролл на Южной

Воспоминания и размышления
о девяностых, о музыке и о нас

Фото на стр. 18 и 142 предоставлены
Юлией Завьяловой из личного архива

Жилякова (Куртукова), Наталья Вениаминовна
Ж 72 Рок-н-ролл на Южной. Воспоминания и размышления
о девяностых, о музыке и о нас / Наталья Куртукова. —
Томск. – 152 с.

Какими они остались в нашей памяти – 1990-е годы? «Ревущими», «лихими», свободными? Об этом говорят мои собеседники, чья молодость прошла в Томске и была связана с рок-музыкой 90-х. Поэты, музыканты и тусовщики вспоминают знаменитые томские группы и фестивали, разные смешные случаи, размышляют о том, каким было это время и как оно повлияло на героев книги.

Использованы иллюстрации из открытых интернет-источников и семейных фотоархивов.

Книга предназначена для всех, кто интересуется рок-музыкой, Томском, андерграундной культурой девяностых годов.

УДК 070:78.036
ББК 76.005.31+85.318.5

© Жилякова Н.В., текст, 2019.
© Томский государственный университет, 2019
© Дизайн, верстка Олег Грибов, 2019

Содержание

ИНТРОДУКЦИЯ	5
Артем Жиляков:	
У каждого была своя мифологема	8
ИНТЕРМЕЦЦО. Заметки на полях	
интервью с Артемом Жиляковым	28
Андрей Филимонов: Это было время пустоты	32
ИНТЕРМЕЦЦО. Александр Арляпов:	
Интервью с Глебом Успенским	53
Лена Бочарова: Rock Around the Clock	81
ИНТЕРМЕЦЦО. А. Филимонов:	
«Революция — это самый буржуазный термин...»,	
или Разговоры со Славой Шатовым	92
Роман Шамолин:	
Нас объединила эйфория от свободы	98
ИНТЕРМЕЦЦО. Виктор Шестаков:	
«Бороться за русские интересы	
меня заставила жизнь»	107
Две Наташи, Оля, Надя: Все мы вышли из Южной	112
ИНТЕРМЕЦЦО. Р. Шамолин:	
Корпоративная власть:	
имитация инстинкта (отрывок)	121
Лена Дараган (Шипилова):	
Это было великолепное время	123
ИНТЕРМЕЦЦО. Репортаж с концерта на Южной	132
Виктор Блащицын:	
Томск был очень классным городом	139
КОДА	147

ИНТРОДУКЦИЯ

(ЛАТ. INTRODUCTIO — ВВЕДЕНИЕ) В МУЗЫКЕ — КРАТКАЯ НАЧАЛЬНАЯ ЧАСТЬ БОЛЕЕ ОБЪЕМНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ, ИГРАЮЩАЯ РОЛЬ ВСТУПЛЕНИЯ. ЧАСТО ИМЕЕТ ОТДЕЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ И МОЖЕТ ИСПОЛНЯТЬСЯ САМОСТОЯТЕЛЬНО (ИЗ СЛОВАРЯ).

Идея этой книги обрушилась на меня внезапно и неотвратно («стремительным домкратом», как заметили бы Ильф и Петров). Вдруг страшно захотелось написать о наших девяностых – о том странном рок-н-рольном времени, которое мы провели в Томске. И тут я сразу подумала, что, конечно, девяностые для всех были разные и свои, а общее было только одно: это было время свободы. Каждый

занимался тем, чем он хотел и мог заниматься. Политики самозабвенно создавали партии и тестировали новые политтехнологии, студенты делали вид, что учатся, алкоголики наслаждались отменой сухого закона, воры воровали, криминальные авторитеты делили рынок, театры ставили скандальные пьесы, поэты, музыканты и прочие творческие личности – творили просто без оглядки на всех и вся.

Сама я в мои девяностые училась в университете, потом начала работать в газете, потом меня появилась семья и ребенок, а потом девяностые незаметно закончились. Но пока они длились, было ощущение, что вокруг все время что-то происходит. Так ведь и правда, постоянно появлялись новые люди и новые группы, новые идеи и новые направления, проводились концерты и фестивали, выходили книги и журналы, обсуждались проекты создания рок-клуба и какой-нибудь суперстудии – и так далее, и так далее.

«Центром мира», вокруг которого все вращалось в девяностые, для меня была Южная – особый томский район, населенный студентами. Здесь компактно разместились шесть огромных общежитий двух томских вузов – Томского государственного университета и Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники, он же ТИАСУР (который как раз в девяностые годы трансформировался сначала в академию, а затем в университет и стал ТУСУРом). Эти общежития неоднократно встречаются в тексте под номерами: «тройка», «семерка», «восьмерка» и т. д.

Кроме общежитий, на Южной было еще несколько культовых мест. Это «Пончики» – киоск, где продавались собственно пончики, причем по неизменному рецепту с того самого времени – и по сей день. И на том же самом месте. Это «Дружба» – столовая ТУСУРа. Стадион Политехнического университета «Буревестник». И сама площадь Южная, давшая название всему району.

Участники моей книги вспоминают много имен и названий рок-групп, но можно заметить, что большинство останавливается главным образом на двух – «Дети Обруба» и «Передвижные Хиросимы». Это, наверное, издержки того, что я в первую очередь обратилась к «ближнему кругу» – лю-

дям, которые в этих группах участвовали, ходили к ним на концерты и вращались примерно в одной тусовочке. Думаю, выбери я других собеседников – картина выстроилась бы несколько другая. Просто хочу напомнить, что в Томске в 90-е было много музыкантов и много музыкальных проектов, иногда крайне недолговечных, – и может быть, когда-нибудь будет восстановлена и их полная история.

Что же касается людей, часть из них фигурирует под кличками, сейчас бы сказали – никами. Они в тексте иногда расшифровываются, иногда нет, но в целом понятно, о ком идет речь.

Из постоянно встречающихся терминов я бы отметила, наверное, еще «точку» — имеется в виду репетиционная точка, место для сбора музыкантов. Найти свою постоянную точку было большой удачей, и такое место немедленно становилось центром притяжения для всех тусовщиков.

И хватит предисловий. Вперед... ой, назад, в девяностые!

Как только я решила, что буду работать над книгой, тотчас же почувствовала себя персонажем романа Курта Воннегута. Помните? – «Когда я был гораздо моложе, я начал собирать материалы для книги под названием «День, когда настал конец света» («Колыбель для кошки»). Ну или биографом группы «Битлз» (неоднократно перечитанная биография этой культовой группы до сих пор является моей путеводной звездой и образцом жанра).

И в полном соответствии с воннегутовской теорией «каррасов» вокруг стала разворачиваться моя собственная история взаимодействия с будущими участниками книги.

Первым под горячую руку попал, конечно, мой муж. Он имел на то полное право: в конце концов, именно Артем Жиликов был одной из культовых фигур томского рок-н-ролла 90-х годов. Как самобытный и известный рок-музыкант, он выступал сольно, одно время входил в шатовские «Передвижные Хиросимы», создавал собственные рок-группы. И, кстати, пишет музыку до сих пор. Ну а кроме того, я же первый невольный слушатель и зритель всех его творческих проектов, так что настала очередь и ему стать «подопытным кроликом» для меня!

Итак...

Артем Жилияков:

«У каждого была своя мифологема»

— **Можно, я буду называть тебя Артем?** (*дружный закадровый смех людей, которые скоро отметят 20-летие супружеской жизни*).

— Да, я разрешаю.

— **Проект, который я пытаюсь воплотить в жизнь, – он о наших девяностых годах. И первый вопрос – о том, кем ты был в это время, когда начал отсчитывать для себя те самые девяностые.**

— Для меня девяностые начались, наверное, в 1986 году: весной я пришел из армии, съездил в Москву и привез оттуда самые свежие катушки на магнитофон – альбомы «Аквариума». Все начиналось безобидно, мы сидели, слушали музыку... Ничто не предвещало эпохи, когда – буду мифологичен – разверзлись небеса и хлынул дождь. Всё, как у Маркеса. И дождь этот шел в течение десяти лет, а то и дольше.

Сразу после 1986 года все очень быстро стало меняться. Есть такая песня у «Битлз» – Lucy in the Sky with Diamonds, в которой есть образ девушки с глазами-калейдоскопами, «a girl with kaleidoscope eyes». Вот примерно такое ощущение я в то время и испытывал. Мир вокруг стал калейдоско-

КОНЦЕРТ АРТЕМА ЖИЛЯКОВА В ОБЩЕЖИТИИ
МИЭТ. 1987 г. (ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА)

пичным, он стал цветным, ярким. Если раньше мы слушали «Битлз», и все это было далекое и нереальное, то теперь рок-н-ролл явился во плоти. Причем он был очень многогранным, дробился на многие сюжеты, связанные, прежде всего, с людьми. В Томске это были и музыканты, и поэты, и художники.

В это время мною были пропущены через сознание тонны музыки, литературы, чуть позже появилась видеокультура, открылись видеосалоны. Всё как будто нахлынуло со всех сторон – как потоп. Но ведь не только в сфере музыки все завертелось. Появились в

большом количестве люди, которые что-то делали своими руками – обжигали глину, делали какие-то фенечки, одежду, ксивники (помнишь такие?). То есть кто-то на гитаре играл, кто-то писал стихи, хиппи появились – культурная ниша стала быстро заполняться.

— Тебя не смущает, что я хочу поговорить о рок-н-ролле на Южной – не в Томске, не в Сибири? Для меня это принципиально.

— Поскольку я сам томич и большую часть жизни провел на Южной – для меня тоже все, что происходило в этом

томском районе, имеет особое значение. Все это, как тесто, набухало у меня перед глазами, и многие вещи я не могу объяснить сам себе до сих пор. Многие процессы начались и вызрели на Южной, многое вертелось вокруг нее – так или иначе. Поэтому да, Южная – это особый контекст, и про нее интересно поговорить. Мне всегда виделся мистический замысел во всем, что касается рок-н-ролла – и так же я могу сказать и о Томске, и о Южной. Все несло печать определенного замысла.

— Но ведь ты несколько лет провел в Москве, когда вернулся из армии, если я все правильно помню. Учился там или тусовался?

— В общей сложности я уехал в Москву на два года, но я довольно часто приезжал. И каждый раз в Томске я обнаруживал что-то новое. Но и в Москве я тоже не сидел просто так, я много слушал, читал, смотрел, общался – помимо учебы в МИЭТе в Зеленограде. В 1988 году, уже на закате моего пребывания в Москве, побывал в Питере, в кочегарке Цоя, где произошла встреча с Башлачевым. Он был тогда известен немногим, ходили по рукам какие-то самопальные записи, организовывались редкие квартирники. В общем, и я его не особо знал. Просто мы сидели в кочегарке, пришел какой-то музыкант, сыграл на гитаре две или три песни. Попросил нас поиграть, мы не отказались. Но я был поражен тем, как он играл, как пел. Уже позже узнал, что это был Башлачев. А через два месяца он погиб... В общем, на этом и закончилась моя Москва, а дальше были уже совсем другие сюжеты.

Я, кстати, был потом еще раз в кочегарке, уже в 2000-х годах, ее же сохранили в Питере. И там стоит тот самый диван, на котором я сидел в 1988 году, и гитара та же самая, на которой играл и Башлачев, и все мы. Очень необычные были ощущения.

— Когда же ты окончательно погрузился в томскую музыкальную жизнь?

— Сложно сказать. После Москвы началось какое-то постоянное перемещение с места на место, я около двух лет провел в Казахстане, приезжал в Томск. Все вертелось и кружилось. Так что, наверное, можно сказать, что в это время я был таким классическим тусовочным человеком. Вообще обстановка в стране была сложная. Как это в песне – «все было впервые и вновь». Неизвестно было, что впереди, как жить, где брать деньги... В музыкальной части я тогда особо ничем не отличался, наверное, скорее, впитывал в себя – впечатления, жизненный опыт. Были какие-то другие интересы, и вообще просто не хватало сил остановиться. Не было времени осмысливать происходящее, всего было слишком, поэтому ничего не кристаллизировалось. Только когда Слава Шатов пригласил меня в «Передвижные Хиросимы», именно тогда стало что-то получаться. И думаю, что в итоге все сложилось неплохо.

— С кем из музыкантов ты общался, на каких фестивалях был?

— Фестивали... Я, наверное, как и все, что-то захватил, что-то пропустил. Был, например, в ДК Политехнического института, на первом фестивале «Рок-Периферия». Как зритель был, не как участник. Хорошо помню фестиваль Фрэнка Заппы в Доме ученых. На Южной встречался с Мистером Панком – Витей Шестаковым, достаточно хорошо знал Гришу Зубова. Как-то все были на виду, я более-менее знал всех, кто играет, какие группы есть в Томске. Хотя особо близких отношений не было ни с кем.

— Какие группы казались тебе наиболее интересными в этот период? Все обычно сразу вспоминают «Детей Обруба». А ты как к ним относился?

— Это действительно была очень яркая группа, в первую очередь благодаря энергетике Шестакова, очень непривычной для Томска. Он очень хорошо работал на сцене как рок-артист. Но и все были по-своему яркие, и каждая группа была хороша по-своему. Вообще в это время я слушал самую разнообразную музыку, и вся она оказывала какое-то влияние, поэтому вычленить что-то одно или даже несколько групп очень сложно.

— Можно ли говорить о какой-то общей музыкальной атмосфере Томска в 90-е годы?

— Конечно, она была, и подпитывалась она свободой, до тех пор совершенно невиданной. Мы, молодые люди, стали самостоятельными, а поскольку прежние правила стали уходить на задний план, появилась масса возможностей для творчества в разных областях. В том числе и в музыкальной. Так что каждый музыкант представлял собой яркую личность.

— Когда мы говорим о музыкальной жизни, то не только музыкантов имеем в виду – ведь на концертах в 90-е всегда собирались толпы народа!

— Безусловно, рок-н-ролл не смог бы существовать без энергической подпитки слушателей. Вокруг собиралась разношерстная, разномастная, разносторонняя публика, тусовка, разные интересные люди. Может быть, каждая отдельная песня и не представляла собой ничего особенного, но вот рок-концерты – это каждый раз было событие. И здесь важна была и музыка, и общение – публики со сценой, зрителей между собой, музыкантов друг с другом. Все перемешивалось, получался такой густо сваренный компот. У концертов была своя особая аура, необычная энергетика, и она передавалась, влияла на людей. Воздействие было чрезвычайно мощным.

— Если говорить о Славе Шатове – можно ли сказать, что его фигура как-то выделялась на общем фоне, или он был в то время одним из многих?

— Он всегда выделялся, даже начинал играть не в какой-то безызвестной группе, а в «Детях Обруба», культовой группе Томска 1990-х годов. Потом он организовал «Передвижную Хиросиму» – группа называлась вначале именно так, затем стала «Передвижными Хиросимами». Так вот, Слава был личностью замечательной. Шатов, играющий на гитаре, – это было что-то невероятное. Ну то есть Шатов и без гитары, сам по себе, был интересен и красив, но с гитарой – он был совершенно другим, он людей зажигал. Это и по записям заметно, и особенно – когда он исполнял свои песни вживую, на концертах, в общежитиях. Когда он пел, никто не оставался равнодушным, буквально не мог пройти мимо. Сидит, скажем, Шатов в «тройке», на лестнице, просто сидит и песни поет, а мимо идет человек. Остановится. И потом уже просто не может отойти, и полчаса будет сидеть и слушать, а то и час. Вот такие мистерии бывали.

— До того, как ты пришел в группу, кто играл с Шатовым?

— Насколько я знаю, Шатов начинал играть с Хайдаром – Витей Хайдаровым. Потом, когда пришло время для группы, он взял Лену Кузнецову на бас, с ними играл также Рома Войтенко на барабанах. На записи, насколько я знаю, звучит еще гитара Андрея Головина. А потом – поскольку Хайдар жил в Новосибирске и не мог в то время постоянно выступать в Томске – он пригласил меня.

— Ты их всех уже знал к тому времени?

— Ну как сказать... в принципе, все были более-менее на виду, конечно. Со Славой Шатовым мы как-то пересекались, в чьей-то квартире – помню его в его классическом зеленом

Концерт в ДК города Зеленограда. 1988 г. В центре – Артем Жиликов.
(из семейного архива)

свитере, такого малоразговорчивого... И он, конечно, что-то играл. Потом я заходил к ним в комнату в «тройке», когда они там одно время жили с Леной Кузнецовой. Фрагментарное было такое знакомство, но в то время это было вполне нормально – человека знать, по полгода с ним не видеться, где-то потом повстречаться, поговорить, – потом опять пропасть... И внезапно начать играть в одной группе.

Кстати, вспоминаю, как я как-то раз попал на концерт «Хиросим» в каком-то училище на Каштаке. Как мне удалось пройти, не помню – я вроде и не особо их знал, а отбирали слушателей строго, только тех, кто был в их тусовке, но вот как-то меня пустили. Так вот я помню, что это было что-то совершенно ледяное. Шатов умел нагнать такого infernalного холода – пел что-то жуткое, вроде «Собачьей жизни»,

Ночное дежурство Артема Жиликова в котельной Цоя. 1988 год.
(из семейного архива)

весь зал молча сидел, совершенно недвижимый. И только один Тендитный ходил между рядами и тряс головой. В общем, впечатление осталось совершенно мрачное.

— **Долго ты играл вместе с «Передвижными Хиротами»?**

— Да всего-то года два, 94-й и 95-й, где-то так. Что за это время было: мы играли в педуниверситете, в М-Клубе, в училище на Беленца, в Москве был последний концерт. Что-то, может быть, я и упускаю, может быть, в М-Клубе мы дважды выступали. Ну и в Хобби-Центре, конечно.

— **А студийные записи у вас тогда были?**

— Нет, и я так понял, что это была концепция Шатова — он хотел записываться только живьем, что, собственно, и делал. Но все записи были самопальные, только в Хобби-Центре была специально подготовлена аппаратура. Поэтому оттуда самая качественная запись. Ходили слухи, что Шатов

делал первые студийные альбомы, а потом ходил, собирал свои записи и уничтожал. Не знаю, так ли это, но действительно сохранилось крайне мало его песен.

— Насколько он был требователен к качеству исполнения? Вы часто репетировали, много работали?

— Да, и часто собирались, и серьезно работали на репетициях. Шатов был очень требовательным, мог наорать на музыкантов – вообще считал, что это нормально, что это придает им силы. Но он не был педантом, просто хотел, чтобы все звучало слаженно. По поводу соло, например, он всегда говорил, что есть музыканты, которые по полмесяца их придумывают, – у него же все создавалось на ходу. За одну-две репетиции он делал свою партию и придумывал партии для других. В этом смысле он был свободен.

— Как создавались песни?

— Не знаю, он всегда приходил уже с готовыми песнями – где-то этот процесс протекал вне группы. Может быть, он дома их сочинял, может быть, тогда, когда он ходил по Томску остяцкими тропами. Это я от него услышал про остяцкие тропы, по которым до Парижа можно за два дня добраться из Колпашева. Он же родом был из Колпашева, регулярно туда ездил. Но потом обязательно возвращался.

— Когда ты играл с Шатовым, у вас была стабильная группа или какие-то конфликты случались?

— В общем, серьезных конфликтов не было. Это было достаточно стабильное время, потому что было рабочее состояние, была цель. И ведь у нас все в общем-то получилось. Это была группа, и мы жили в этом состоянии, как группа.

— Есть такой слух о том, что Маша Янушкевич и другие молодые музыканты приходили к вам учиться мастерству. Можешь об этом рассказать?

— Приходили, да, но не за мастерством, конечно. Маше Янушкевич и ее группе «Апокриф» просто была нужна репетиционная точка, и мы согласились выделить им какое-то время у себя, на Усова, 22/1.

Вообще я с ностальгией вспоминаю эту репетиционную точку, по многим причинам. У нее была совершенно замечательная лестница, и точка была полностью автономной – на втором этаже, над столовой, мы вообще ни с кем не пересекались. Это было серьезное достижение для того времени – найти такое место для репетиций.

— Я так поняла, что в 90-е годы были группы, которые более-менее постоянно играли, и те, которые быстро распались?

— Да, по-разному получалось, все зависело от намерений самих музыкантов. Кто серьезнее относился к музыке, у тех группы были более стабильны. Успешные группы – «Волосы», «Конструкция», «Будни лепрозория» — те, что были на виду и на слуху, притягивали внимание многих людей, — они тоже дольше продержались.

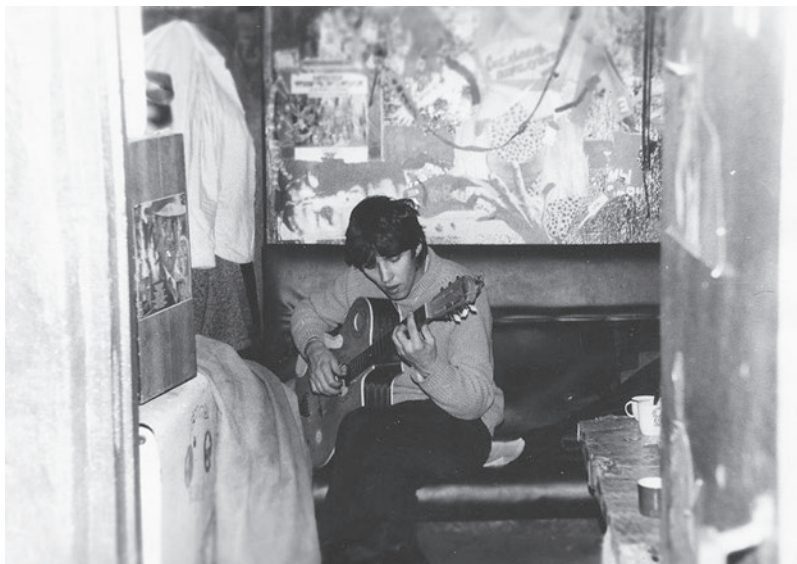
— Интересно, что многие помнят про томский проект под названием «Некие стеклянные пуговицы», в то время как он создавался чуть ли не для одного выступления.

— Это как раз потому помнят, что у группы была своя мифологема. Вообще она у всех была, у каждой группы своя, но «Некие стеклянные пуговицы» прямо хорошо это иллюстрируют. В первоначальном варианте группа возникла на волне интереса к постпанку, и это была не веселая, а достаточно мрачная музычка. Песни пели с названиями например, «Раздражение» и подобными. И вот из этой музыки вышло то, что ее основатель, Юлия Шерстобитова, потом пересеклась с Янкой Дягилевой. Точно я лично не знаю, но

говорят, что в архивах Янки как-то это запечатлено, коробка какая-то осталась или надпись, – в общем, встреча действительно произошла, и проект «Некие стеклянные пуговицы» таким образом оказался обнародован, стал известен – в том числе и благодаря этой встрече. Никто до этого из томских или новосибирских музыкантов их особо не знал. Но никто из них и не выходил на уровень личного общения, встреч с такими величинами, как Янка. Еще слух есть – тоже про эту группу – что Шатов придумывал для их песен гитарные партии. Он был человеком талантливым и профессиональным, помогал Юле с аранжировками. В общем, «Некие стеклянные пуговицы» – это такой миф в истории томской рок-музыки, и это несмотря на то, что они реально существовали.

— Есть известная формулировка про «секс, наркотики и рок-н-ролл» в отношении западной музыки. Но ведь и у нас в девяностые годы – кроме рок-н-ролла – было вот это все, секс, наркотики. Насколько было велико их значение?

— Конечно, было велико! Не знаю, может быть, я и не прав, но мне кажется – как я помню, – что еще до начала, да и в начале перестройки в Советском Союзе про наркотики никто и не знал. О том, что в Советском Союзе не было секса, мы все знаем благодаря этой знаменитой фразе из телемоста. Так вот точно так же и наркотиков не было, их никто не идентифицировал. Конопля, например, вообще не воспринималась как наркотик. В огородах спокойно росла! В советское время я вообще ничего про наркотики даже не слышал. Так что когда они появились во время перестройки, не было механизмов борьбы с ними, все было в стадии становления. А может быть, мы просто про это не знали. Но ощущение было, что привозилось все довольно свободно. Цыгане продавали спиртное во время сухого закона, потом точно так

КОЧЕГАРКА ЦОЯ. АРТЕМ ЖИЛЯКОВ ИГРАЕТ НА ГИТАРЕ, НА КОТОРОЙ В ЭТУ НОЧЬ ИГРАЛ АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЕВ. ЯНВАРЬ 1988 Г. (ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА)

же продавали марихуану, лет десять точно. Думаю, органам все это было известно, но все равно как-то мало контролировалось. Фармакология стала использоваться: до перестройки эта сфера была закрыта, немногие имели доступ к таким лекарствам, разве что специальные заведения типа психбольниц... В 90-е годы появился интерес и доступ, и, конечно, в первую очередь среди молодежи. Конечно, свою роль сыграло то, что хлынувшая к нам контркультура несла на себе отпечаток западной психоделии, и она пустила корни уже на российской почве.

С сексом все еще проще, все же были молодые, гормоны. Без секса было невозможно, он освобождал, и он стал более доступным, свободным, приемлемым. Происходила революция в сознании, и к эпохе перестройки относится и российская сексуальная революция. Длилась она, конечно, недолго, но какое-то время были доступны материалы,

видеофильмы, и все остальное. Рок-н-ролл был очень сексуальным, его притягательность во многом зависела от этого. Битлы, Джим Моррисон, Марк Болан, Хендрикс, Боуи – они были сами по себе харизматичными и очень сексуальными. И абсолютно то же самое можно сказать о наших томских музыкантах.

— Параллельно с рок-музыкой в Томске традиционно было очень сильным движение КСП – клуба самодеятельной, или бардовской, песни. Они как-то пересекались друг с другом или так и остались автономными течениями?

— О, я помню, как-то раз наша рок-н-ролльная тусовка попала – или, точнее сказать, «внедрилась» — в подвал на Главпочте, где тогда обитал КСП. В переулке Плеханова. Тусовка наша расположилась, разложила свои чемоданы в их комнатенках... И началось брожение туда-сюда. Посидеть, поиграть, послушать, чай попить. И было заметно, что КСПшникам это очень не нравилось. В какой-то вот оппозиции они находились к «этим волосатикам», непонятным этим субъектам. У них была своя среда, и вход туда чужим был закрыт. В общем, все закончилось тем, что волосатиков оттуда выгнали.

Но вообще наблюдать за КСП было очень интересно. Они казались совершенно закрытыми, жили как будто в парнике и не хотели ничего знать, кроме самих себя. Но они не смогли, конечно, остаться в стороне и тоже испытывали на себе мощное влияние рок-н-ролла. Я вот сейчас слушаю записи отдельных исполнителей клубов авторской песни (их на самом деле несколько было в Томске), и это влияние прослеживается очень четко. В первую очередь, конечно, это Гребенщиков – интеллектуальный, акустический рок. Очень показателен здесь пример бардов, среди которых был

Никита Зонов. Они находились под большим впечатлением от «Аквариума». Мы с Никитой вместе учились на первом курсе физического факультета ТГУ, так что я лично все это видел. Но он в итоге остался в среде КСП. В целом КСП отстаивали такое «островное» положение в музыке, в массовом увлечении рок-н-роллом, и рок-н-ролл, по большому счету, остался для них совершенно чуждым.

— Можно ли разделить на направления томскую музыку 90-х годов? Был ли чистый панк или чистый рок-н-ролл, регги, еще что-то?

— Большое распространение получили панк и пост-панк – за счет своей неожиданности, энергетики, динамичности. Но играли каждый то, что ему нравилось. Группа «Утро» – психоделию, «Танцы с муравьями» – регги, Гриша Зубов (группа «Алеф») использовал элементы творчества The Doors. Да, тут на минутку вспомню, как в 84-м мы в ансамбле с Гришей Зубовым и Игорем Мельником играли песню Sunrise на третьем этаже второго корпуса ТГУ. Дальше, чистый рок-н-ролл – рокабилли имеется в виду? – даже не знаю, кто играл, но на концертах можно заметить эти попытки. «Дети Обруба» – панк, «Передвижные Хиросимы» – психоделический панк или даже протопанк, типа «The Stooges». Я бы даже сказал – утяжеленный панк со всеми рок-атрибутами, Ник Федяев – это такой волновый вариант, нью-вейв. Но у них было очень сильным экспериментаторство, многое шло от мелодичности Брайана Ферри. И, конечно, эстетизация, на которую накладывали свой отпечаток стихи Макса Батурина. Вообще они в разных стилях пробовали играть, и влияние харда можно проследить. Это тема для отдельного разговора, для целого исследования – томская музыка 90-х годов.

— Уникальность томского рока 90-х, как я понимаю, даже не столько в музыке, сколько в том, что в это время была создана определенная среда – и в ней были и музыканты, и художники, и поэты, и актеры. А были люди, которые сами не играли, не рисовали и так далее, — но они говорили о музыке, слушали музыку, ходили на концерты. Это, видимо, студенчество поддержало рок-н-ролл в девяностые?

— Верно... Рок-н-ролл не может существовать сам по себе, без среды. И нынешнее время это показывает особенно ярко. Нет среды – нет рок-н-ролла. В 90-е годы основной плацдарм создала, конечно, молодежь, но были здесь и маргиналы различного рода, и уже взрослые люди, которые пытались жить самостоятельно. Все было так перемешано... Я много думал об этом. Наверное, сыграла свою роль и аура Томска, в нем в это время оказалось возможным создание самых разных сообществ, и это было очень интересно.

— У меня было ощущение в то время, что было несколько «баз», где люди в основном тусовались. И, кстати, все это были общежития – «тройка» ТГУ, общежития педуниверситета, «пятерка» тусуровская...

— И не только. К примеру, в «семерке» ТГУ на чердаке был Володя Братчук, и у него несколько концертов было Шатова с Хайдаром. В том числе знаменитый концерт, после которого Шатов вылез на крышу «семерки» и на осколках бутылок пел песню «Солнце взойдет».

— Были же не только такие «мини-концерты», но и в настоящих концертных залах, организованные кем-то?

— Да, вообще было интересно, что в то время многие занимались организацией концертов, пытались сделать рок-клуб – жаль, что из этой попытки ничего не вышло. Была попытка издавать рок-журнал. Но удалось выпустить только

МАРИЯ ЯНУШКЕВИЧ.
ФОТО ИЗ АРХИВА ЮЛИИ ЗАВЬЯЛОВОЙ

«Версию», это такой самиздат – поэтический сборник, в котором приняло участие множество интересных людей того времени.

Вообще об организации концертов я знаю немного. Мне кажется, чаще всего сами музыканты договаривались о проведении концертов. Сидела «Конструкция» в Доме ученых, ну то есть репетировала там – там же и давала концерты. У Шатова менеджером группы была Кузнецова, она и договаривалась о выступлениях. Но фестивали, конечно, организовывались по-другому – «Рок-Периферия», к примеру. Под занавес, по-моему, Удлер пытался что-то организовывать, но все это уже было так, на спаде.

— Интересно, а деньги музыканты получали или все было на чистом энтузиазме?

— Конечно, получали. Музыкантам платили за выступления, эти деньги потом тратили на аппаратуру, на инструменты, на алкоголь. Ходили, кстати, слухи, что у «Детей Обруба» был спонсор, какой-то бизнесмен, который лоббировал появление этой команды. В общем, в этой сфере были свои сюжеты и свои нюансы, не все было так просто. Но то же самое происходило не только в Томске, по всей стране в 90-е.

— Что касается инструментов – я так понимаю, у каждого музыканта они были свои? И если ты хотел какого-то необычного звучания в своей группе, надо было пригласить кого-то с необычным инструментом?

— Музыканты – это и были те люди, у которых были инструменты, а не те, кто как-то особо хорошо на них играл. Такого человека брали в группу – и он становился ее членом. Инструмент решал все. И, конечно, были владельцы экзотических инструментов – Валера Гаккель, например, у него была виолончель. У кого-то был такой «сибирский ситар», я слышал его на квартирниках, не на концертах, – какой-то азиатский инструмент, он очень интересно звучал. Или, например, самодельная «глюколка»... На концертах чаще всего использовались стандартные наборы – гитары, клавиши, барабаны, микрофоны... В залах, на репетиционных точках тоже что-то было, но это не меняло главного: музыкант – это тот, у кого есть инструмент, на котором он играет.

— Можешь описать стандартный, обычный день с «Передвижными Хиросимами» – репетицию, концерт?

— Ну, может быть, не прямо зарисовку, а скорее штрихи какие-то... Мы репетировали в разное время, так что лучше какой-нибудь вечер перед концертом. Мы приезжаем к Шатову в дом под мостом. С инструментами, собираемся, сидим, пьем чай. Ближе к вечеру выползаем из дома и гуськом по этим тропам, по Малой Кирпичной улице выходим на поверхность – в Город. Потому что дом Шатова – это было такое место вне Города, и вообще ощущение было, что место вне времени и вне пространства. И вот мы появляемся в Городе как тени, как переодетые шпионы. Садимся в автобус и едем. Это было как на картинке из рок-энциклопедии – когда участники Ramones выходят в Нью-Йорке из метро в кожаных куртках. И вид у них совершенно бандитский. А все кругом такое разукрашенное, как в комиксах. Вот мы точно так же появлялись на поверхности Томска – из дома под мостом. Приходили на концерт и устраивали такой маленький атомный взрыв.

— Как ты считаешь, почему закончились девяностые как эпоха, что именно изменилось в Томске – или в стране? Твоя версия?

— Девяностые и сами по себе не были таким уж «монолитом». Люди менялись, уходили и возвращались, каждый пытался наладить свою собственную жизнь. Но с течением времени люди все больше расходились по сторонам – и музыканты, и их окружение. У кого-то пропала энергетика рок-н-ролла, как, к примеру, у Гриши Зубова. Появлялись новые интересы, новые возможности, кто-то налаживал свой бизнес. А потом случился дефолт, люди лишились денег, которые позволяли им – в том числе – заниматься творчеством. С другой стороны, старая публика стала уходить – а новая не пришла.

И тут еще большую роль сыграло, на мой взгляд, то, что столичные музыканты, которые возглавляли вот эти эшелоны рок-н-ролла, или русского рока, – они повели себя очень странно. Понятно, что те, кто умер в начале 90-х, – они остались легендами. Но оставшиеся в живых, говоря образно, закрыли ворота. Они стали зарабатывать деньги. И все закончилось. В свое время они стали супергероями благодаря тусовке, благодаря тем, кто приезжал со всей страны к ним. Как это было написано на одной из стен в питерских задворках – «Сохраняй тепло». Это была почва для музыкантов, все эти люди, – но перед ними дверь закрыли. Показали, что все это не для них. Произошел мощный процесс отторжения, ну так люди и ушли. Стали заниматься своими делами, своими детьми (что тоже хорошо). Рок-н-ролл стал шоу-бизнесом, все изменилось. Местные музыканты не смогли конкурировать с теми, кто приезжал в провинцию на «сенокос», кто собирал залы и стадионы... И все закончилось.

Арте́м Жили́ков на репетиционной точке
«Передвижных Хиросим». 1994 г.
(из семейного архива)

— И финальный вопрос. Как бы ты оценил влияние 90-х годов на свою жизнь, с какими чувствами ты вспоминаешь это время?

— Что тут сказать... Любимый мой ответ – все было неизбежно. Таков был порядок вещей, и ничего не могло бы сложиться по-другому.

Другими словами – в 84-м на первом курсе физфака ТГУ я познакомился с Гришей Зубовым. Гриша любил сесть в конце

коридора «восьмерки» на подоконник и петь фальцетом на последней октаве Градского, у него был сильный голос. А однажды он встретил меня в коридоре и всучил листок со стихотворением Есенина «Калики» и попросил придумать мелодию. Помню, тогда ничего не вышло, а спустя 35 лет я все-таки написал эту песню. Так что долг перед прошлым оплачен, история – мифологема – обрела образ.

Девяностые годы были для меня временем очень насыщенной жизни. Временем размышлений, временем открытий. Был позитив, был негатив. В общем, у меня смешанные чувства по поводу девяностых. Но, наверное, главное – что это была эпоха становления и жизненного опыта.

ИНТЕРМЕЦЦО

(ИТ. INTERMEZZO — ПЕРЕРЫВ) — МУЗЫКАЛЬНАЯ ПЬЕСА ПРОМЕЖУТОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ, КОТОРАЯ ПОМЕЩАЕТСЯ МЕЖДУ ДВУМЯ ДРУГИМИ ПЬЕСАМИ И ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ НИХ ПО ХАРАКТЕРУ И НАСТРОЕНИЮ.

Заметки на полях интервью с Артемом Жиляковым

Кстати о том, как я впервые увидела своего будущего мужа. Тема эта тоже имеет непосредственное отношение к рок-н-роллу. Мы пришли на концерт в зал педуниверситета, какой-то большой компанией, из которой я помню только Герцога. Но мы сразу в зал не попали, потому что начали бродить по коридорам и искать открытую аудиторию, конечно же, нашли, сели курить и болтать, и наконец после этого переползли в темный переполненный зал, через какие-то ряды и ноги решили пробиться почему-то в центр зала. И вот пока мы по этим рядам пробирались, я увидела на сцене выступающего в тот момент музыканта. И услышала его. Как только мы заняли наконец свои места, я потребовала немедленно сказать мне, кто выступает. «Это же Артем Жиляков!» – «Боже, – сказала я, и вот эту фразу я помню до сих пор. – Какой красивый мужчина! Кажется мне это, что ли?» Я пребывала в изумлении до конца его выступления, тараща на сцену и пытаюсь сообразить, как это может быть,

Арте́м Жиляко́в. Из семейного архива.

как человек может быть настолько красив – и действительно ли все видят то же самое, что и я, а если видят, почему не падают от восторга в обморок. Да, я была романтически настроена, но он и действительно в молодости был таким... мрачным красавцем, с огромными зелеными глазами, окутанный тайной, – байронический типаж. Вокруг него ходили легенды, даже не знаю, откуда они вообще взялись, – что он, например, несколько лет ни с кем не разговаривал.

Хотя легенд (скажу в скобках) тогда вообще хватало. Я, к примеру, до сих пор помню рассказы про некоего Короля (был ли это реальный человек?), который якобы жил в комнате, в которой окна были плотно завешаны даже не шторами, а одеялами. И он в течение года – а то и более – не видел солнечного света, а также оттуда не выходил. На вопрос, а как он вообще жил, говорили, что вроде как жена его кормит. На нас, зеленых семнадцати-восемнадцати-девят-

Источник: группа ВК «А кто это идет по проспекту Ленина?», 24 марта 2013 г.

надцатилетних студенток, эти рассказы производили странное впечатление: было и любопытно, и интересно, и как-то мы даже восхищались этими людьми, которые вот так шли против течения, ломали представления об обычной жизни.

Да, ну а потом я познакомилась с Артемом уже в общезжитии, когда наш друг Джин затащил его к нам в гости. Он действительно мало говорил, курил папиросы, охотно играл на гитаре и вообще был вполне приятным гостем. И да, вблизи он был так же прекрасен, как и на сцене. У меня просто не было шансов!!!

Первым – после Артема, конечно же, – на мой призыв откликнулся Андрей Филимонов, за что я ему бесконечно благодарна. Потому что трусила я страшно. Захотят ли люди говорить о том, что давным-давно прошло, вспоминать это время, размышлять о нем? А у меня было много вопросов, в том числе к самой себе. Например, вот мы говорим о девяностых годах. Но ведь это очень странное определение. Девяностые годы не начались в 1990-м и не закончились в 1999-м. Как я убедилась впоследствии, все мои собеседники автоматически включали в это определение время «перестройки» – а это середина 80-х годов. Конец же 90-х ориентировочно ощущался в 1997-м – в том году умер Шатов.

Но Андрей пришел, и ответил на мои вопросы, и тем самым дал надежду на то, что мой проект действительно состоится. Мы сели в моем маленьком профессорском кабинете на третьем этаже факультета журналистики ТГУ – и я провалилась в те самые девяностые.

Я хорошо помнила Андрея как поэта, писателя, неперменного участника тусовок, концертов и фестивалей. Что-то с того времени, конечно, изменилось, но главное осталось: он по-прежнему поэт и писатель.

Андрей Филимонов : «Это было время пустоты»

— Андрей, с какого времени для тебя начинаются девяностые годы – твои личные девяностые?

— Думаю, отсчет можно вести с середины восьмидесятых годов, и это неслучайно. Именно в это время комсомол обратил внимание на представителей неформальных объединений и попытался их «приручить». Именно комсомол способствовал организации первых рок-концертов, и избалованная аудитория восприняла это просто как откровение. То же самое было и в Томске, здесь тоже комсомольские работники стали думать о том, как приблизиться к этой странной молодежи, вовлечь ее в свою орбиту. Не знаю, помнишь ли ты, была такая песня знаменитой Умки (в миру филолог Анна Герасимова):

И я сказала этой рыжей дуре:

— Ну ты в натуре, ну ты, герла, в натуре.

Это песня о том, как комсомольская работница зовет хиппи стать частью государственной системы, выступать в кафе, где будет «вход по три рубля»:

Там надо слушать не шая,

Запрещены вино и конопля,

Мы будем слушать не дыша,

Мы будем кушать не спеша

Мороженое, ложкой шевеля,

а также согласовать все выступления в горьком и так далее. И героиня посылает ее, конечно. В общем, и так часто бывало, но в основном народ действительно пользовался этим вниманием комсомольским, чтобы играть рок, организовывать места для общения, для тусовки, устраивать какие-то выступления. И на этих выступлениях происходило объединение разных жанров. То есть в первую очередь это были рок-концерты, но на них выступали и поэты, перформансы разные устраивались. Вот, например, мы с Максом Батуриным писали тексты, которые пел Коля Федяев в первую очередь (и некоторые другие). Поэтому мы тоже выступали на этих концертах: кто-то отыграл, пока музыканты готовятся – выходишь на сцену, читаешь стихи. И народ это воспринимает как нормальную часть мероприятия.

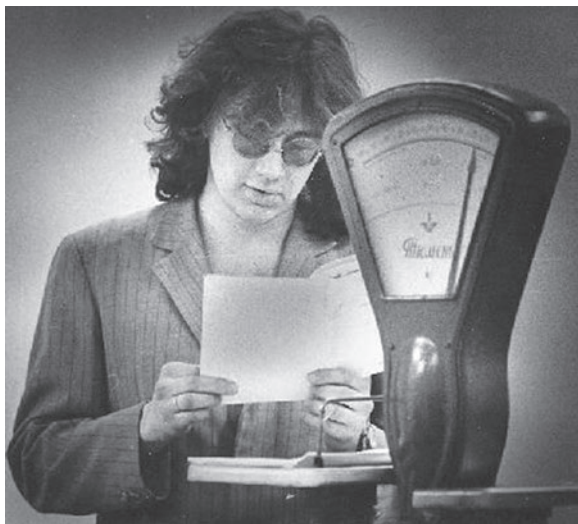
Но приманка основная была, конечно, в рок-музыке – все грохочет, драйв, энергия. Комсомольцы предоставляли аппаратуру и место для выступлений, и это было очень важно. А вокруг этого немедленно начала развиваться – и очень стремительно – особая культура. И это не только рок-журналистика, даже просто новые прикиды, новые образы. Поскольку все имели пока смутное представление о том, как должен выглядеть тусующийся чувак, который слушает рок-н-ролл, каждый в силу своей фантазии создавал какие-то особые наряды, самодельные пацифики, фенечки, какие-то рубашки обвешивались со всех сторон значками, ну и так далее. У меня был свитер с пацификом, который мне связала бабушка – я ее попросил, когда мне стукнуло 18.

— То есть все пришло в движение в это время, не только рок-н-ролл?

— Именно. Помню, что в Барнауле был фестиваль «Рок-Азия» – большой, на нем все собирались, – и на нем мы

познакомились с ребятами из журнала «УрЛайт», который выходил в Зеленограде, под Москвой. Это были Леха Коблов и Сергей Гурьев, они объезжали страну – это же недорого было тогда, – путешествовали и писали обо всем, что происходило в стране. Когда взошла звезда Егора Летова, о нем писали постоянно, брали у него интервью – Егор Летов был селебрити первого эшелона. В свою очередь, мы ездили к ним, зависали в Зеленограде, где было очень любопытное место – он был из тех научных городков, которые образовывались вокруг институтов. Они тогда были страшно активные – в смысле общественной активности, там митинги проводились, издавались полулегальные-полуподпольные листовки и газеты, союз в защиту перестройки был создан и другие экзотические вещи. Из того, что я застал, это Зеленоград, Академгородок – они были просто оазисами демократического движения. На этом фоне очень органично возник журнал «УрЛайт», который потом переименовался в «Контр-Культуру». Мы туда тоже что-то писали, обсуждали варианты и своего журнала, в Томске, – тем более что во Владивостоке уже был журнал «ДВР», который издавал переводчик Макс Немцов. Он тоже приезжал, мы с ним пересекались.

Так вот, возвращаясь к вопросу о 90-х – да, я бы сказал, что они именно тогда начались. Не 1 января 1990 года, а как-то вот так, плавно. И это была именно комсомольская инициатива. Это, кстати, очень любопытный факт, потому что комсомольцы, которых я тогда знал, они сами были какими-то странными. Вот была, например, Нина Китова, умная женщина, работала в обкоме комсомола – она потом, по-моему, ушла в православие и в бизнес. Мы с ней познакомились году в 88-м или 89-м, она была именно функци-

Макс Батулин. Источник: группа ВК «А кто это идет по проспекту Ленина?», 24 марта 2013 г.

онером. Так вот, она пригласила меня и Макса Батурина почитать стихи комсомольским работникам.

Мы приходим. Сидят эти молодые люди – причем они выглядят гораздо старше своего возраста, в галстуках, костюмах, с короткими стрижками, у некоторых уже брюшки... Им по 30 максимум, а они уже дяденьки, серьезные люди. И у них серьезное мероприятие: встреча с неформалами. И мы приходим. Длинные волосы. У Макса еще круглые очки, как у Джона Леннона. Начинаем читать стихи... Буквально через 15 минут возникает скандал. Потому что Макс читает стихотворение – если мне память не изменяет, вот это:

*Родного яблока червя я съел кишечнику в подарок,
Везет под рученьки меня четверка пьяных санитаров –
Чего-то праздновал народ, все пили, спали и плясали
Мне фельдшер процедил: «Урод» –
И брюхо распорол усами*

– и так далее.

И вот, значит, один из сидящих (это даже не зал был, а какой-то большой кабинет) говорит:

— А знаете, я вот не очень понимаю, о чем ваше стихотворение. Поэтому, будьте добры, объясните, то есть как бы переведите на понятный народу язык.

Макс:

— Повторяю.

Родного яблока червя я съел кишечнику в подарок, – и читает тот же текст снова.

Тот говорит:

— Нет, я не просил повторять, я просил объяснить.

Макс:

— Повторяю для тупых.

И читает стихотворение в третий раз. Тут шоу начинается – вы над нами издеваетесь и так далее.

В общем, на этой встрече высветилась невозможность понимания того языка, на котором разговаривают люди неформальные (будем использовать этот термин), теми, кто пытался это движение «приручить», ввести в понятные им рамки. Это на самом деле было невозможно. Но они сосуществовали, и каждый что-то получил свое. Думаю, комсомольцы пилили бюджет и получали всякие галочки, которые помогали их карьере. Но эта карьера внезапно оборвалась, кончилась вместе с комсомолом.

— В 1991 году было объявлено о самороспуске ВЛКСМ, если я верно помню.

— Тогда и деньги закончились, и фестивали накрылись. То есть они по инерции продолжались, конечно, но и аппаратура, и площадки – все перешло на самоокупаемость. Концертные залы стремительно заняли рынки, торговали везде, где только можно было. И разговоры были такие: пожалуйте, платите аренду и выступайте. В Томске, к примеру,

на коммерческой основе стал работать Дом ученых. И если раньше нас приглашали, мы устраивали поэзо-спектакли, было так весело и легко – то тут извините, оскал капитализма и все такое. И вот тогда Макс Батулин, который работал в редакции газеты «Советский учитель» педагогического института, стал договариваться о концертах на базе главного корпуса педа на Комсомольском проспекте. Зал был очень неуютный, но зато там были микрофоны, аппаратура – все было. И мы несколько раз выступали там, и другие группы.

— Ой, а я все недоумевала в то время, почему именно педагогический всех приютил?

— Да, Макс помог. Вообще редакция «Советского учителя» оказалась таким знаковым местом. Редактором там работал Олег Зырянов, муж Веры Зыряновой из Областного художественного музея. И еще кто-то работал, не помню сейчас... психолог с бородой... И вот они там сидели, все квасили, Макс печатал свои сборники, организовывал выступления... Это как точка сборки была, место встречи.

В общем, вот так стало все келейно и кулуарно. С исчезновением такой мощной структуры, как комсомол, разрушились горизонтальные связи. Люди в одном городе плохо знали, что делается в другом городе. Интернета-то не было, мы писали друг другу бумажные письма. До конца 90-х это было нормально – сесть и написать или напечатать на машинке письмо. Но время от времени мы все равно выезжали – в Новосибирск, например, где Володя Назанский устраивал среды в картинной галерее. И там все собирались, выступали. Все было бесплатное и свободное, приехал – молодец, нет – ну и ладно... Тогда я впервые услышал Виктора Иванова, прекрасного поэта и прозаика, который недавно покончил с собой – а тогда был очень юный, такой молодой гений, 18 лет, все о нем говорили.

Еще одной знаковой чертой 90-х годов было вот что: это была эпоха издания книжек за свой счет. Не было никакой цензуры. В начале девяностых это еще были советские издательства, которые тихо умирали. Так вот, в 1994 году вышла книжка Макса Батурина «Сказано вам русским языком». Денег на нее дал друг Макса, Саша Арафат (это была такая кликуха). Мы все в ней поучаствовали, а рисунки нарисовал Игорь Куртуков из Академгородка в Новосибирске. Игорь был самостоятельный график-интеллектуал. Помню, давал мне читать Юнга в машинописи и других сложных авторов. Кстати, интересна судьба Куртукова: он уехал в Америку в конце 90-х как программист, а сейчас он – вице-президент какого-то банка. Хорошая такая карьера.

Но возвращаясь к книге: итак, она была издана. Деньги нашлись, хотя они были какие-то судорожные – то их нет, то они раз – и откуда-то появились. Был большой концерт и презентация, то есть опять встретились музыка и поэзия. Кстати, презентация была в Хобби-Центре – он тоже стал одной из площадок, на которых много чего происходило в 90-е годы. Там квартировало ТВ-2, там собирались первые томские хоббиты, которые бились на деревянных мечях.

— Это те, которые ролевики?

— Они самые, в мантиях и юноши, и девушки. Помню, что все они страшно воняли портянками и были всегда пьяными и грязными, как панки. Может быть, они и были панками, это вообще самая живучая из всех субкультур. В Хобби-Центре был и знаменитый концерт Шатова с «Передвижными Хиросимами», я его очень хорошо помню. Была такая большая пьянка с песнями, концертом и всем остальным. Там же был и обязательный человек, который соединял разные миры, – Сережа Тендитный по прозвищу Тэн. Он даже иногда пел, хотя это было не так важно, потому что он был

явлением сам по себе – он был гуру, таким местным О' Лири, Кеном Кизи. У него всегда были с собой какие-нибудь ксерокопии Кастанеды, и он произносил всякие фразы типа: «Старик, ты понимаешь, только саморазрушение – это путь настоящей контркультуры. Давайте слушать Grateful Dead!» И все слушали Grateful Dead, передавали друг другу какие-то ксерокопии, Кастанеду и так далее. Это был такой театр для тех, кто понимает, – вся эта тусовка, какие-то грязные флэта, дешевый портвейн...

Кстати, о портвейне была хорошая история у Макса. Как-то они с Зыряновым пошли в магазин возле редакции «Советского учителя» – купить портвейна. А им говорят: осталось только три бутылки, и в одной из них плавает мышь. Будете брать?..

Они так посмотрели-посмотрели... Да маленький совсем мышонок... Давайте!

Ведь начало всех этих славных дел происходило на фоне антиалкогольной кампании, помнишь? Паленая водка, отравления – вот это все. Я вот сразу вспоминаю Виктора Лойшу, у него была квартира на Каштаке, где все зависали. Он как-то сломал ногу, сидел с гипсом дома, и все приходили с водкой – а покупали ее у цыган там же, на Каштаке. Как-то раз все отравились, сидят все зеленые... потом собрали деньги и опять пошли за водкой, все к тем же цыганам. И никого это не смущало. То есть действительно это был путь саморазрушения, риска. И для многих плохо это время закончилось. Макс Батурин, Слава Шатов... кто-то покончил с собой, кто-то погиб в каких-то нелепых обстоятельствах...

— Мне кажется, ты про книгу как-то не договорил.

— Так вот, книги издавали за свой счет. Это было нормально – найти спонсора, тогда все искали себе спонсоров – ведь главный из них, в лице комсомола, исчез. У кого-то

знакомые разбогатели за счет торговли – к ним обращались, кто-то находил другие варианты. Причем официальные писатели тем же самым занимались, из Союза писателей, который влачил жалкое существование. Но они чаще к Крессу ходили, нашему губернатору. До смешного доходило. Например, писатель Борис Климычев – я спокойно отношусь к его прозе, но стихи у него совершенно роскошные были, они даже вошли к антологию русской поэзии XX века. Так вот, про него писали в «Красном знамени», что его пригласили в Москву на съезд писателей России. А у него нет ботинок. И пришлось идти к Крессу в Белый дом, просить денег на ботинки... Такой был общий фон – внезапное и полное обнищание. Все сдавали свои площади в аренду, и писатели тоже, и их семинары стали превращаться в какие-то фрик-шоу – потому что раньше на них ходили в надежде издаться, а теперь такая возможность практически исчезла. Кстати, мы с Максом познакомились как раз на таком семинаре молодых писателей.

Но даже если ты нашел спонсора и издал книжку – не было никаких шансов на ее реализацию. Можно книжки отнести в магазин – но там, как еще Цветаева говорила, их «никто не брал и не берет». Но все равно пытались что-то сделать, какой-то процесс организовать. Вот, например, мы с моим другом, художником Федором Лютовым, сделали книжку с картинками, в 1997 году. Нашли денег и поехали в Москву, решив, что там удастся ее издать. И попали в литературный салон классики XXI века Елены Пахомовой. Я хорошо запомнил это заседание – оно началось с того, что объявили: сегодня умер Булат Окуджава. Минута молчания... потом начались выступления. Иван Жданов, Юрий Арабов, Герман Луковников (он же Бонифаций) выступали. Им тоже никто особо не платил, собирались они, потому что

было интересно выступать, слушать. Но в Москве это происходило регулярно, а в провинции к тому времени уже все затухло – и не только поэтические вечера, но и музыкальные фестивали. Коля Федяев занялся рекламным бизнесом, заработал денег и уехал в Новую Зеландию в 1996 году. Слава Шатов погиб в 1997 году, Витя Панк еще раньше из Томска уехал... В общем, творческих людей в Томске становилось все меньше.

— Есть ли у тебя какой-то образ девяностых годов?

— Пустота. Какие-то заброшенные недостроенные здания. Фасады без ремонта. Пустые улицы, без машин. В воскресенье можно было сидеть на остановке, и редко какая машина мимо проедет по проспекту Ленина. Заросшие травой пустыри, книжные магазины, где очень странные наборы книг. Там в общем-то были книги, о которых мы мечтали в перестройку – и Эдичка Лимонов, и Генри Миллер, – все очень плохо изданные, зарубежные книги – очень плохо переведенные, с диким количеством ошибок – корректоров нет. Тут же безумные брошюры местных писателей, да любых – почвенников, западников, утопистов, фашистов... кого угодно. Тут же «Майн Камф» лежит, а рядом – брошюра «Как уклоняться от налогов в Российской Федерации». Это та самая свобода, когда никому ни до кого нет дела. И ощущение, что и до тебя дела нет никому, что ты предоставлен самому себе и можешь делать вообще все, что хочешь. Это может быть благом, а может быть наоборот.

— Да, я помню это странное ощущение, такой безграничной свободы...

— Все так жили – кто-то работал, кто-то занимался торговлей, причем очень странной. К примеру, мы в 93 году с Толиком Скачковым, нашим с Максом другом, решили снять фильм. А он уже тогда ездил в Москву, подружился

МАКС БАТУРИН.
Источник: Новый рок. 11.07.2010.
Александр Арляпов:
«МЕЛОМАНЫ ИЗ ГЛУБИНКИ»

с режиссером Александром Серым – который снял «Джентльменов удачи», – а еще съездил в Польшу, подружился с Кшиштофом Занусси, который вообще привечал молодежь. Толик не расставался с кинокамерой со времени нашего знакомства, он мечтал – ни много ни мало – снять «Над

пропастью во ржи».

И вот мы решили сделать фильм. Но ведь для этого нужны деньги. И один знакомый бизнесмен подарил нам не то 10, не то 15 столитровых фляг меда. Мы его продавали, на вырученные деньги пригласили из Москвы знакомого кинооператора. Тот приехал с настоящей большой профессиональной кинокамерой, штатив, все дела. Мы поехали искать натуру... Да, надо сказать, что фильм, о котором мы говорили, и даже написали сценарий, назывался «Смерть, о которой мечтают люди». Это было такое метафизическое произведение, с цитатами из Рильке, Хайдеггера и т.д. А в качестве декоратора мы задействовали Володю Захарова, хозяина театра «Два+К». Мы выезжали, потому что нам нужно было деревенское кладбище; и мы такое нашли, придумали сцены... И все это, заметь, на деньги от продажи меда.

Потом деньги внезапно кончились – часть их была пропита, часть потрачена на билеты оператору, – и проект

как-то сам собой рассосался. Тогда много проектов было, которые вот так незаметно прекращались.

А еще в то время активно выходили газеты – «Томский вестник», «ТМ-экспресс» и разные другие. Поэт Владимир Крюков работал в этих газетах – он был публицистом, литературным консультантом, помогал печатать стихи. Вообще в газетах того времени печатали очень необычные тексты. Мы, например, сидя в редакции «Советского учителя», под диктофон разговаривали о самых разных вещах, потом Макс все это распечатывал и нес в газету. И они печатали такие разговоры – на любые темы, в том числе и о том, как жить дальше – в этой пустоте. И вообще, не есть ли это знак того, что всякую деятельность нужно прекратить. Ведь если контркультура конца 80-х годов была очень активной, были фестивали, выставки, издавали «запрещенку», молодых поэтов – а теперь у писателей не было денег даже на ботинки – так, наверное, и не надо больше ничего? Не надо писать, рисовать, издавать... Пусть это будет настоящим концом искусства... В общем, такие вот разговоры велись, и их печатали томские газеты.

Или вот Сергей Смирнов, он работал в это время в газете, кажется, «ТМ-экспресс». Я как-то раз забрел к нему и рассказываю: ты знаешь, такая история: шел сейчас мимо горсада, а там стоит осел в ленточках, который детей катает. И я в задумчивости засунул ему палец в рот, а он меня укусил. И Сергей тут же печатает заметку в газете: поэта Филимонова укусил осел в городском саду! Сейчас бы сказали – такая блогосфера была, только на бумаге. Это как-то удовлетворяло наши амбиции и духовные запросы. Так и проходили наши девяностые годы...

— То есть какое-то время все активно развивалось, а потом оказалось, что мы предоставлены сами себе?

— Конечно. Главное, ничего ведь никуда не делось. Тот же Егор Летов – активно концертировал, приезжал в Томск в 96-м году, выступал в кинотеатре «Родина». И тогда над сценой висел серп и молот: ведь Летов, после того как Советский Союз развалился, стал дружить с СССР, насколько это возможно – дружить с мертвым. Для него эта идея, освободившись от связей с государством, неожиданно обрела новую энергию. Вспомнить штурм Останкино в 93-м году, или то, как у Зюганова фактически оттяпали победу в 96-м. Тогда было между чем и чем выбирать.

Вообще сейчас, когда спорят о 90-х годах, забывают о том, что никакой четкости у демократии не было. В этом же и заключался главный момент дискредитации демдвижения – что вот мы победили в 91-м году, и всем стало хорошо, и все разошлись по своим делам. Причем не только народ разошелся по своим делам – власть тоже занялась сама собой. И вот поэтому левая идея сохраняла свою жизненную энергию. Люди жили плохо – но всем было на это плевать. У молодежи какие-то деньги откуда-то появлялись – а детей, которых нужно было кормить, у них ещё не было, поэтому не было тревог о завтрашнем дне. И ничего удивительного нет в том, что часть и писателей, и деятелей разных искусств – они начали примыкать к левым. Почему я хорошо помню концерт Летова 96-го года? Мне было дико, что Егор Летов, который был у меня дома в 1989 году, мы разговаривали о Маркузе, о разных контркультурных и совершенно понятных вещах, – и вдруг сидит под серпом и молотом и несет какую-то, на мой взгляд, чушь. И это человек, который пел, что мы убили в себе государство... Наверное, так проявлялись изгибы русского постмодерна. В отсутствии идеи люди просто держались на противопоставлении себя чему-то, на игровом провокативном моменте своего творчества.

— У меня сохранилось ощущение какой-то творческой атмосферы 90-х годов, в которой всем нашлось место. Были прекрасные фотографы, художники, был театр – хотя я меньше о нем знаю...

— Да, был просто прекрасный театр Романа Виндермана «Скоморох» – он просто гремел, причем начиная еще с 85-го где-то года. Ставили спектакли по Платонову, по Булгакову. Прекрасный художник Юра Фатеев рисовал для них афиши.

Был театр пантомимы в Доме ученых, который потом разделился на две части, и Игорь Плехов возглавил в Академгородке свою студию пантомимы. Мы с ними ездили на театральные фестивали в Нижний Новгород и в Ярославль. Последняя поездка была в 91-м году, мы с Максом в ней участвовали, и нас там сопровождало ощущение всеобщего разрушения. То есть приходишь в магазин – еды нет. Все серое. Стены домов шелушатся. Ярославль: выходишь на улицу, спрашиваешь: где тут можно выпить? Отвечают: напротив серого дома. Оказывается, в народе «серым домом» зовут КГБ. Напротив – пивняк. А кружек нет, и пиво наливают в баночки из-под майонеза.

Потом мы едем в Ленинград, который балансирует на грани переименования в Санкт-Петербург (в мае 91-го). Ходим по городу, колоннада Казанского собора заполнена какими-то странными фигурами – они там спят, играют, поют под гитары, тут же мочатся на эти колонны. И мы идем – куда нам идти? Холодно, весна... Андрей Труш, который был тогда с нами, говорит: пойдете в баню! По дороге покупаем ящик просроченного пива – «мартовского» темного – очень дешево, потому что просроченное. В бане его пьем, знакомимся с какими-то людьми, говорим – пойдём теперь к крейсеру «Аврора». На набережной из переулка выходит

человек с бутылкой портвейна и поет оперную арию. Мы с ним пьем портвейн, он работает грузчиком в магазине. Потом мы идем на Пушкина, то, где живут художники, где тусуется Юрий Шевчук, где дыры в стенах – то есть заходишь в туалет, а там дыра в соседнее помещение.

Вот такое все было кругом – при этом очень дешевые билеты на поезд, самолет. Люди постоянно переезжали, те же питерцы приезжали в Томск, в Художественный музей, со своими картинами. Мы с ними, разумеется, выпивали, а на открытии выставки устраивали похороны авангарда. Очень прямолинейная акция – гроб с надписью «Авангард», Толик Скачков плевал бензином на факел, гроб загорался. И всё это в центре города, напротив Областного художественного музея. Происходило постоянно какое-то невероятно огромное количество событий, и причем это все было какое-то нерелефлексированное. Идея возникла – давайте сделаем – завтра следующая, а не получилось, и черт бы с ней, сделаем еще одну! Все со щелчка возникало и делалось. Никто не помогал – но никто и не мешал.

— Ты помнишь, что в 90-е годы центрами общения стали именно общежития? Интересно, почему?

— А где еще было собираться, общаться? Кафе тогда и не было почти. В общежитие можно было проникнуть, к тому же там постоянно дискотеки устраивали, вообще был свободный вход. Да и жили многие в общежитии – и Витя Шестаков, и Федяев. Конечно, мы к ним и ходили. А у Федяева в общежитии на Кирова, 2 была к тому же репетиционная база, в подвале. И когда, например, приезжал в Томск Майк Науменко – мы его туда приводили, вместе с группой «Зоопарк». Майк был тогда еще очень хорош, мог много выпить, обо всем поговорить. Мы разговаривали о Бродском. Фотографии где-то остались этих посиделок...

Виктор «Панк» Шестаков, солист группы «Дети Обруба»
(источник: «Новый Рок». 2008. № 1)

— А томский рок-н-ролл, насколько он был качественный, на твой взгляд? Ведь он никуда не вышел за пределы Томска, как я понимаю.

— Вполне был хороший рок-н-ролл, и нельзя сказать, что его прямо никто не знал. Группа «Конструкция» Коли Федяева, которая базировалась в Доме ученых, ездила на все крупные фестивали – от Алма-Аты до Петербурга. Они записывали студийные альбомы, на Горбушке продавались их записи. Просто сам Коля свернул этот проект. Все дело в людях. Кто-то внезапно понимал, что надо работать, заниматься бизнесом – а делать одновременно все сразу невозможно. И шансов заработать деньги искусством не было

ни малейших. «Дети Обруба» держались, пока был Витя Шестаков. Он закончил истфак, уехал – и группа распалась. «Передвижные Хиросимы» – это, по сути, Шатов, погиб он – исчезли «Хиросимы». «Будни лепрозория» крепко спаялись в конце 80-х, и так они и жили до какого-то момента. Они были, наверное, самые стабильные, пока у них внутри не начались какие-то разногласия.

Были какие-то вещи очень качественные, а было и много ерунды, как всегда в этом деле. Но я не специалист по рок-н-роллу. Вот приходил ко мне Федяев, я ему давал распечатки своих стихов, он из них выбирал что-то – и делал песню. В Ютубе можно найти некоторые клипы, снятые в то время. Потом участники этих групп подались кто куда: в эмиграцию, семейную жизнь, алкоголизм. И те, кто их слушал, тоже потеряли живой интерес к мероприятиям. В общем, все по классике – верхи не могли, низы не хотели. Да, это произошло несколько внезапно. И появился рок-н-ролл внезапно, и так же закончился. Я же говорю, что это было время пустоты, бедности, заброшенности. Я тогда учился на философском факультете. И мне очень нравились идеи Хайдеггера о заброшенности человека в бытие. Эта мысль казалась совершенно адекватной тому, что мы видели каждый день. И ведь Томск еще был спокойным городом – а где-то происходили уличные бои, орудовали банды. Говорят, в Екатеринбурге осенью 91-го «братки» штурмовали здание областного УВД – стреляли по нему из гранатомета. А в Томске все было тихо-спокойно, при этом ощущение заброшенности было разлито в воздухе. Хотя это казалось очень органичным в тот момент. Ты мог распоряжаться своей свободой, в конце концов – уехать куда-то, если уж тебе здесь так все не нравилось. Или делай что-то в Томске. Вообще был период, когда творчество казалось вещью са-

модостаточной. Написал, напечатал на машинке, прочитал друзьям – этого было вполне достаточно.

— А потом оказалось, что этого все-таки недостаточно?

— Здесь уже кому как. Кто-то переключился на другие дела, кто-то пошел дальше. Моя бывшая жена, Наташа Нелюбова, начала в Томске в 96-м году свою музыкальную карьеру, стала выпускать диски, постоянно выступать. Появилась «Кукушка», театр «Два+Ку» нашел себе помещение в Университетской роще. Но это уже в 2000-е годы, когда началось оживление городской среды. Появились новые люди, все больше иностранцев приезжало в город, открывались кафе – в общем, многое изменилось.

Но вообще я не принадлежу к тем людям, которые имеют претензии к Гайдару и Чубайсу. Дело не в этих личностях, а просто так исторически происходит, что в российской действительности всегда побеждает гнусность. После революционных всплесков, ухода пассионариев. Вот это и произошло в 92–93 годах в России, а под каким знаменем – по большому счету, неважно. Обыватели привыкли бояться – в гражданскую, при Сталине... И самые обывательские газеты того времени – выходившие миллионными тиражами «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда» – они сразу же, осенью 92-го года, стали стращать своих читателей тем, что в стране нет угля, нет хлеба – мы замерзнем этой зимой, мы все умрем. И тот страх, который раньше воплощался в госбезопасности, – трансформировался в страх разрухи, голода. Этот бесконечный русский страх, который наполняет всю жизнь русского человека, от рождения до смерти.

— В 90-е годы в Томске было столько людей, столько кругов общения – я даже не знаю, с кем надо поговорить, чтобы составить более-менее полный образ эпохи.

— Конечно, было несколько кругов, и я далеко не всех знал. Вот Слава Гуливицкий, например, – он мог бы рассказать о движении КВН в 90-х, о том, как возникла команда, которая превратилась в «Детей лейтенанта Шмидта». Это был настоящий прорыв за пределы города Томска, и как раз в конце 90-х.

Петр Гавриленко – художник, у него мастерская напротив стадиона «Труд», – был знаковой личностью того времени. Его выставка в 86-87 годах в Академгородке в Доме ученых и в ДК ТПИ вызвала огромный скандал, потому что против него ополчилось общество «Память». Оно же кстати, Общество борьбы за трезвость: абсолютно антисемитская организация с конспирологическим уклоном. Эти люди приходили на выставки Гавриленко и вырезали звезды Давида на его картинах. Обсуждение выставки – у меня долго лежала эта аудиозапись – это такой срез общественной глупости того времени. Здесь и наивность, и агрессия, и многое другое.

Однажды я сделал расшифровку этого обсуждения и опубликовал в журнале «У всех на устах» – первом гламурном журнале Томска 90-х годов. В редколлегии был, между прочим, Вячеслав Новицкий.

Можно наших эмигрантов поискать, того же Федяева. Был такой Евгений Сельц – бард, который участвовал в театре «Сегодня студент смеется» ДК ТПИ, вместе с Володией Козловым. Тогда эти самодеятельные театры позволяли себе то, чего не позволяли профессиональные театры.

Политики того времени были очень интересные, некоторые обсуждали – совершенно свободно, тогда это было еще можно – идею независимости Сибири. Витольда Славнина называли новым Потаниным и рассчитывали сделать из него идеолога нового областничества, хотя сам-то он к

этому не сильно стремился. Джоник Шестаков, Игорь Щеглик. Или вот Евгений Кольчужкин, ныне живущий в Москве, он первый независимый издатель, причем очень успешный. Он издал очень много книг поэтов Серебряного века, во многом благодаря Борису Казачкову, преподавателю ТУСУ-Ра, который играл в народном театре при Доме ученых. Так вот у Казачкова, например, была полная подшивка журналов «Аполлон», включая декабрьский номер 1917 года, где репортаж о взятии Кремля красными и об ущербе и уроне, которые они нанесли, обстреливая Кремль из пушек. Кольчужкин брал у Казачкова книги и «открывал заново» Сологуба, Гиппиус, Мережковского, философов Лосского, Шпета, в общем, много чего.

— Надеюсь, что я доберусь до кого-то из этих людей – может быть, не прямо сейчас, но со временем. Работа только началась, мне хотелось бы ее продолжить, чтобы с помощью других осмыслить наши девяностые – наш рок-н-ролл, наш КВН, театр, живопись и многое другое, без чего было немыслимо это время.

ИНТЕРМЕЦЦО

А потом мне на глаза попался старый номер журнала «Новый Рок». И среди разных интересных материалов я обнаружила интервью с Глебом Успенским, лидером «Будней Лепрозория». Авторства Александра Арляпова. И так это интервью оказалось близко и созвучно моей концепции, что я почти целиком беру его в свою книгу – с небольшим сокращением текста. Идея-то, оказывается, не просто летает в воздухе, но и уже начинает потихоньку воплощаться в жизнь...

Александр Арляпов **Интервью с Глебом Успенским**

Новый Рок. 2008. №1, 2. «ХОРОШИЙ АВТОБУС УЕХАЛ БЕЗ НАС...»*
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ РАЗГОВОР С ГЛЕБОМ УСПЕНСКИМ
(публикуется в сокращении).

* Строчка из песни Егора Летова, исполняемой Глебом Успенским

От редактора (необходимое предисловие)

То, что «Будни лепрозория» – легенды томской, да и сибирской музыки 90-х годов прошлого века, вещь неоспоримая. Доказывать тут никому ничего не надо. Для меня эта группа начиналась когда-то с публикаций на музыкальной страничке областной мо-

лодежной газеты «Молодой ленинец» (позднее – «ТМ-Экспресс»). Там, кстати, иногда печатали рисунки их барабанщика Эдика Шиллера. А также с Фестиваля Фрэнка Заппы – самого, наверное, знакового и заметного события той самой, «золотой» эпохи. Ибо FZ-фест всегда ассоциировался с «Буднями» и Федяевым.

«Иных уж нет, а те далече»... Цитата из классика как нельзя лучше отражает ситуацию с людьми той самой эпохи. Кто-то покинул бранный мир, кто-то переехал в иные города, а то и на другой конец света. Кто-то «переквалифицировался в управдомы». И, пожалуй, лишь экс-фронтмен «Будней» Глеб Успенский, единственный из наших «старичков», не просто сохранил форму, а продолжает успешно заниматься музицированием. Самым что ни на есть творческим и экспериментальным. Об эпохе и людях мы и говорили с ним осенью 2007-го, когда это интервью делалось по заказу почившего, к сожалению, в бозе прекрасного томского журнала «КоМУз». Сейчас же разговор с Глебом (ничуть не утративший за год своей ретроспективной информационной насыщенности) предлагается вам, читателям «Нового Рока», в нашей рубрике «По памяти...». Вспомним, как все начиналось...

Давай начнем с самого начала – с чего начиналась музартель «Будни лепрозория»? То есть на момент образования группы ты уже видел то, что вокруг происходит, был знаком с другими музыкантами, посещал какие-то мероприятия?

— Первым из сколько-нибудь интересных томских коллективов, который я услышал, была федяевская «Конструкция». Это было в 1987 году, на каком-то фестивале в университете, где было пять или шесть групп, от хард-рока до, собственно, Коли Федяева (лидер групп «Конструкция» и «Волосы», телеведущий и рекламист, около 10 лет назад переехал в Новую Зеландию. – Ред.). Я в то время пел в такой

«Будни лепрозория».

(Источник: «Новый рок». 11.07.2010. Александр Арляпов: «Меломаны из глубинки»)

металлической группе «Цех», которую мы с одноклассниками организовали в начале 1987 года. И это было первое наше участие в каком-то более-менее масштабном мероприятии городском, скажем так. А последней на фестивале выступала «Конструкция». Я услышал эти первые хитовые Колины вещи, допустим, «Ухо» или «Клоаку» («Хорошо жить в клоаке...»). Причем это было чуть ли не первое электрическое выступление «Конструкции» с тем составом: на басу тогда еще играл Илья Бутенко (который впоследствии отошел от музыки), на гитаре играл Саня Скуратов (впоследствии играл в группе «Детский сад» и с В. Шатовым в проекте «Шатов и Кукушки», сейчас известный в Томске звукооператор. – *Ред.*)... Помню, я стоял за кулисами и слушал – и для меня это было откровением, я вдруг обнаружил, что вот здесь есть что-то

очень интересное. Кстати, именно с этого концерта мы с Николаем как-то друг друга запомнили, в том числе визуально.

«Ты помнишь, как всё начиналось...»

Потом произошел некий перерыв, все одноклассники ушли в армию, и я остался один. Как раз тогда я познакомился с Бесычем (Александр Беспалов, трубач «Будней лепрозория». – *Ред.*), он играл в оркестре при ДК Политеха. Мы каким-то образом пересеклись, показывали какие-то свои песни, странные довольно-таки песни.

С Антоном Чеховым (басист «Будней лепрозория». – *Ред.*) мы учились вместе в одной группе на архитектурном в ТИСИ (ныне ТГАСУ. – *Ред.*), и при этом они уже меня знали по группе «Цех». В те времена была такая ерунда – конкурс студенческой самодеятельности, разные факультеты представляли свои номера и т. д. И пару раз я с «Цехом» выступал на этих конкурсах, представляя свой факультет. Вообще подобные конкурсы в нашей стране, наверное, очень долго будут жить.

Вот после этих конкурсов мы и сошлись с Антоном на почве общего увлечения музыкой, он тоже слушал разный тяжелый рок. Летом мы ездили на практику в совхоз «Первомайский», и там мы с Антоном начали чего-то пробовать играть в две гитары акустические. Естественно, перепевали какие-то песни, то же «Тибетское танго» Курёхина с Гребенщиковым, плюс появлялись какие-то слабые потуги на свое творчество. И уже осенью 1988-го, когда мы вернулись с практики и учились, все и завертелось. Был у нас такой товарищ – Леша Родченко (впоследствии известный томский дизайнер и председатель Областной федерации сноубор-

динга. – Ред.). Так вот Леша Родченко – это человек, который собрал «Будни лепрозория». Он был такой «металлюга» конкретный и тоже знал меня по группе «Цех». Учился он на курс младше, и с ним в одной группе был Эдик Шиллер, вернувшийся из армии. Зная, что Эдик – барабанщик, Леша рассказал ему про «парня, который хэви-метал поет». Хотелось Леше хэви-металлическую банду собрать. Он устроил нам «сходку» в кулуарах второго корпуса ТИСИ, перезнакомил нас, и мы тут же решили что-нибудь попробовать. Но первый же вопрос – где, как, на какой «точке» этим заниматься? Тут опять надо отдать ему должное – Леша снова проявил инициативу. Дело в том, что в общежитии архитекторов на улице Пушкина репетировала группа «Ветры перемен». И Леша как-то договорился со студклубом, чтобы мы тоже там начали репетировать – так мы и «вписались» в эту «точку».

Ну а собственно днем рождения «Будней» всегда считались два дня – 6 и 7 ноября 1988 года. Шестого ноября состоялась репетиция, на которой была придумана инструментальная композиция «Всемирный потоп». И когда на следующий день после праздничной демонстрации мы у Эдика Шиллера сидели, выпивали и слушали на кассетнике запись с репетиции – то вдруг поняли: «Что-то в этом есть, да и вообще офигительно!» И это нас подвигло на то, что мы начали чего-то там придумывать, и потихоньку-потихоньку, за зимний период, у нас пошел материал. Как раз тогда я Бесыча выцепил, он пришел, попробовал с нами поиграть – у меня даже сохранилась черновая запись на кассете. Потом он, правда, сказал: «Что-то мне не понравилось, ерунда какая-то». И после этого отвалил, а мы снова остались втроем.

Первый областной

И вот в 1988 году, в ноябре был первый областной Томский рок-фестиваль, проходивший в ДК ГПЗ-5 (ныне развлекательный комплекс «Шарики». – *Ред.*). Это было первое такое действительно массовое мероприятие. Оно шло три дня, и это был настоящий фестиваль, с прослушиванием. Был пресс-центр во главе с Димой Беляевым, после каждого дня этот пресс-центр собирался, и на следующий день уже были готовы какие-то специальные информационные выпуски. Была настоящая фестивальная атмосфера, как это в принципе и должно быть.

А у нас в то время была довольно странная ситуация – с «Буднями» у нас только наработки какие-то были. У меня были кое-какие песни, с Антонием Чеховым мы отрепетировали пять песен, гитару и бас, пропущенный через «маразматический» фленджер. И подали заявку на фестиваль – как дуэт такой. А Эдика Шиллера тогда попросили быть барабанщиком у металлюжной группы «Новый день», которая тоже подала заявку. В итоге ни «Новый день», ни мы не прошли. Я помню обсуждение нашего с Антоном прослушивания, все говорили, что «это всё слабо» и прочее. Пожалуй, единственным человеком, который вступился тогда за нас, был Коля Федяев. Он стал доказывать, что наша музыка – в русле неких традиций, грамотно достаточно обосновывал, но, тем не менее, его голос не имел решающего веса. Мы не прошли, но получили проходки на фестиваль и ходили на все концерты. И вот там случилось откровение номер два для меня – когда выступали «Дети Обруба». Это первое их, наверное, выступление на большом мероприятии, и это еще был первый состав, где Шатов играл на гитаре. Я тогда просто офонарел – это стало вторым моментом в Томске, который меня тогда потряс.

Отступление первое, поэтическое

*Храни меня, Господь,
В сухом прохладном месте.*

Макс Батурин

А через какое-то время я уже нормально сошелся с Федяевым. Дело в том, что он в плане текстов плотно работал с поэтами Максом Батуриным и Андреем Филимоновым. С ними-то я и познакомился очень интересным образом. Примерно через месяц после областного фестиваля Батурин, Филимонов и еще один персонаж, Анатолий Скачков (ныне проживающий в Германии), развесили по городу самодписные афишки о том, что Всемирная Ассоциация Нового Пролетарского Искусства объявляет набор художников, поэтов и прочих творческих личностей. Сбор был объявлен в Доме ученых. И я туда пошел.

Первый человек, с которым я там столкнулся, был Андрей Филимонов. Мы с ним пообщались. И с этого практически момента я стал участником этой Ассоциации Нового Пролетарского Искусства. Мы устраивали какие-то хэппенинги, выставки, перформансы. Я занимался шумами и звуками, был художником. На одном из хэппенингов в Горсаду Андрей Филимонов ложился на простыню, а я его обрисовывал, потом это полотно выставлялось. В Академгородке делали выставку, которую мы озвучивали с Ильей Бутенко. Вот тогда я плотно познакомился и с Николаем Федяевым, и с Максом Батуриным. Мы с ним довольно близко сошлись. Батурин стал еще одним человеком, который сильно на меня повлиял, в чем-то повернул мое сознание. Мы, конечно, шли каж-

дый своей дорогой, но он стал, можно сказать, третьей такой силой в Томске (после Федяева и «Детей Обруба»), которая мне на какие-то вещи раскрыла глаза, и я стал по-другому видеть, слышать, понимать. С ним мы потом делали и разные совместные проекты, играли советские шлягеры, Creedence и Rolling Stones. Макс ведь уникальный человек был в музыкальном отношении, одни его коллекции чего стоят: у него тот же Rolling Stones был весь на виниле, какие-то безумно редкие записи шлягеров наших 60-х годов. Мало того, он их знал все наизусть. Абсолютно парадоксальный и гениальный человек. И эта Ассоциация именно за счет общения дала безумно много – в плане взаимного культурного обогащения.

Будни «Будней»...

Весной, уже где-то к апрелю, случился очередной смотр художественной самодеятельности архитектурного факультета. Естественно, нас обязали там что-нибудь показать. Мы подготовили три песни. Я опять попросил Бесыча присоединиться, и он нам подыграл. В одной песне на флейте, еще в одной – на клавишных, принадлежавших все той же группе «Ветры перемен». Это было 18 апреля 1989 года, и это был фактически дебют «Будней лепрозория».

— У вас уже это название было?

— Название появилось следующим образом. Эдик очень хорошо рисовал, и у него были две картины: «Будни лепрозория» и «Будни ЛТП». И когда мы про название думали, Эдик вдруг про свою картину вспомнил и предложил. Мы сразу согласились: «О! Классно!» Вот так оно и родилось.

Ну а дальше... Дальше была первая на моей памяти попытка организовать в Томске рок-клуб. Для многих этот мо-

Источник: группа ВК «А кто это идет по проспекту Ленина?», 23 марта 2003 г.

мент стал своеобразным толчком. В апреле-мае начала ходить некая информация, что собирают записи и хотят что-то такое организовать. Занимался всем этим Игорь Дмитриев (впоследствии телевизионный режиссер и продюсер. – *Ред.*). Мы тоже записали на репетиции кассету и передали ее через кого-то. Причем запись эта как-то разошлась и оказалась у народа, что называется, на слуху. А 11 июня 1989 года в БКЗ проходил фестиваль «Рок за милосердие», на котором, в принципе, появились все: Федяев, «Дети Обруба», «Будни лепрозория», «Ещё», «Прогрессивный налог», Шатов уже с «Передвижной Хиросимой» (тогда еще в единственном числе группа называлась). Причем на моей памяти это было первое их выступление. Вел весь концерт Макс Батулин. Гостями были новосибирские панки «Путти». Вот это событие и стало отправной точкой, после которой обозначилась новая ситуация в городе.

Спустя две недели, 24 июня, в День молодежи, случился легендарный концерт на Южной, в студгородке среди общаг. Знаменитая видеозапись выступления «Детей Обруба» на нем до сих пор ходит по рукам. А на следующий день, 25 июня, возле 10-го корпуса Политеха на Лагерном саду был еще один концерт. И там уже выступали группа «Площадь им. Поперечного Сечения» Саши Колбыча и та же «Передвижная Хиросима». И на одной песне я им даже на флейте подыгрывал. В сентябре того же года еще один фестиваль прошел в ДК железнодорожников (которого сейчас уже нет). Его директор, очень представительный такой дядя, вдруг решил устроить рок-фестиваль. Выступали «Конструкция», «Будни», «Дети Обруба», «Передвижная Хиросима» и «Алеф» Гриши Зубова. Называлось все это просто «Осенний фестиваль». Но это был фантастический совершенно концерт и одно из лучших и сильнейших выступлений «Передвижной Хиросимы» на моей памяти. Это потом Славка Шатов ушел в гитарные всякие дела, а тогда все это было с клавишами, очень мрачно и очень мощно. Я стоял за кулисами и был под сильнейшим впечатлением. Там вообще все выступили очень здорово.

Ближе к зиме в том же 1989 году «Будни лепрозория» принимали участие в спектакле «Стремление к нулю», который Андрей Труш ставил в Доме ученых. Мы там были и в качестве музыкантов задействованы, играли где-то за сценой, а я еще и одного из персонажей играл. Помню ночные репетиции в Доме ученых. Безумие, но очень интересное безумие.

Ну а следующим большим фестивалем была региональная «Рок-Периферия», которая проходила в ДК ТПУ и куда уже приехали группы из других городов – Красноярска, Магадана и др. (в частности, магаданцы «Конец, Света!»).

И именно после этого фестиваля мы тоже начали ездить на концерты в другие города. Те же люди из Красноярска нас пригласили к себе, уже через месяц мы поехали и буквально года за два успели раза три туда съездить.

— Кстати, у Троицкого в его книжке «Рок-музыка в СССР» Томск впервые упоминается именно в связи с «Рок-Периферией».

— Ну это понятно, ибо она действительно сыграла весьма важную роль. Можно, конечно, пытаться гнобить, мол «комсюки» и все такое, но надо отдавать должное – эти люди делали свое дело, пусть и наваривались, ну а сейчас-то кто не наваривается? Это была возможность как-то выступить. Ведь как мы тогда выступали? У кого-то шнур взял, у кого-то то, у кого-то сё. В том же БКЗ я играл на шатовской гитаре.

— Получается, в основном тогда только на фестивалях выступали, и сольных концертов у групп почти не было?

— В 1988–1989 годах сольные концерты были только у Федяева и «Конструкции». Они тогда базировались в Доме ученых, и где-то раз в два месяца у них были отчетные концерты, то в акустике, то в электричестве. Туда стекалась абсолютно разношерстная публика, от интеллигентного бомонда до расхристанных хиппи, потому что это были единственные сольные концерты рок-группы, да еще и группы очень интересной. А вот у нас первый сольный концерт случился только в конце 1991 года, в ДК ТЭМЗ. И то приходилось собирать там-сям с бору по сосенке весь аппарат. Где-то с разрешения, где-то тихой сапой, там пульт, тут стойки. Нам еще было хорошо, мы могли брать всякие вещи из студклуба, где репетировали. Другим было сложнее.

Помню, был еще концерт в конце 1989 года, приезжала из Новосибирска группа «НПВК» (Новосибирский пиво-во-

дочный комбинат). И в кафе «Дружба» на площади Южной они выступали вместе с «Детьми Обруба». А «Дети» попросили нашего Эдика, чтобы он у них на барабанах постучал. До сих пор есть несколько фотографий с этого концерта – было просто всеобщее веселье.

Была еще одна интересная группа, небезызвестная знатокам андеграунда, – Юлия Шерстобитова и «Некие стеклянные пуговицы». Правда, эта группа тоже недолго просуществовала (впоследствии Ю. Шерстобитова была хорошо знакома с Я. Дягилевой и Е. Летовым и даже принимала участие в записи альбома проекта «Егор и Оп***шие» «Прыг-Скок». – *Ред.*).

Отступление второе, алкогольное

Или вот еще одна вещь, которую я с любовью вспоминаю, хотя, казалось бы, чего с любовью вспоминать бухание? Было такое понятие «отдохнуть в душбаре». Времена-то понятно какие были. 1989 год – с алкоголем проблемы были большие. Водку по 20 рублей за бутылку можно было купить в общаге ТИАСУРовской, в «пятерке» или в «шестерке». Но при этом надо было сначала узнать у осведомленного человека, в какой комнате именно сегодня продают водку. Люди все, понятно, бессребренники, без гроша за душой – где-то заняли, наскребли на бутылку и все. То есть больше ни на что не хватает. И тут произносилась фраза: «В душбар!» Причем, насколько я помню, придумал это понятие Витька Шестаков (солист «Детей Обруба». – *Ред.*). А означало оно вот что: брали водку, заходили в общагу-«тройку» на Южной, поднимались в какую-нибудь секцию, где был свободный душ.

В этом душе записались и включали воду. Водой запивали водку, к тому же она служила кондиционером, потому что там же и курили. И вот так сидели, культурно отдыхали – и сколько я помню, это всегда серьезные были зарубы за музыку. Тогда же, если кто-нибудь с каким-нибудь интересным альбомом катушку взял и послушал, разговоров об этом надолго хватало. Это было действительно интересно, серьезно и познавательно, и было неотъемлемой частью того самого ценного общения, из которого каждый выносил что-то свое. Это не были какие-то тусовочные дела, а скорее такие – божественные, ха-ха.

«Папа Заппа»

Кстати, недавно я нашел значок со второго Фестиваля Фрэнка Заппы «FZ 90». Самый первый запповский фестиваль прошел в 1989 году, и устроили его Коля Федяев с Женей Маликовым (впоследствии томский и новосибирский журналист, ныне проживает в Москве. – *Ред.*). Женя Маликов был сумасшедшим фанатом Заппы, у него была полная коллекция его альбомов на виниле. Полностью фестиваль именовался так – «Фестиваль Веселой и Навороченной Музыки имени Фрэнка Заппы». Первый фестиваль проходил в томском Доме ученых в декабре 89-го. Первый фест получился таким тематическим, на нем были уже какие-то приезжие группы, вот не помню, какие. Причем информацию о нем отсылали самому Заппе – это же уникальная штука, нонсенс, фестиваль имени вполне себе живого тогда еще и здравствующего человека!

Юлия Шерстобитова,
НЕКИЕ СТЕКЛЯННЫЕ ПУГОВИЦЫ,
«Индюки-1991».
Фото Дмитрия Иванишена.
Источник: группа ВК «А кто это
идет по проспекту Ленина?», 27
сентября 2014 г.

В холле Дома ученых стоял телевизор с видеомагнитофоном, и показывали видео Заппы. Были официальные приглашения. То есть это был не междусобойчик, а такое большое событие. Которое решено было сделать ежегодным. В 1990 году прошел второй FZ-фестиваль, уже на сцене ДК ТЭМЗ.

Тогда уже было довольно много приезжих групп. Из Киева была просто отличная группа «Иванова ось», это было настоящее откровение. Из Кемерово была группа «Беспонтовая лажа», которую пригласил Коля Федяев. Я после, сколько ни спрашивал о ней у кемеровских знакомых, никто ничего не знает. На все три запповских феста приезжала шикарная «Амальгама» из Улан-Удэ. Из Красноярска была группа «Временные неприятности».

В 1991 году был третий фестиваль, снова в Доме ученых. На него приезжала новосибирская группа «Иван». А из Екатеринбурга приезжала такая формация «Общество Картинник» с небезызвестным Б. У. Кашкиным, которые

стали просто культурным шоком для многих людей. Прямо в холле Дома ученых собирались музыканты, причем участвовать мог абсолютно любой человек. Была просто полуспонтанная импровизация, то есть задавался какой-то ритм, и кто на чем – на балалайках, на перкуссии, на всем подряд играли.

Саша Колбыч на третьем фестивале уже был не с «Площадью им. Поперечного Сечения» – они уже назывались «Хобот». Тогда они играли полностью свои вещи. У меня есть их запись 1991 года, я ее недавно оцифровал и потихоньку до ума довожу. В ней участвовали Саша Совков (ныне гитарист «Духов цеха». – *Ред.*), Саня Бесыч, сам Колбыч – то есть такая тусовка из 32-й школы. Писалось все у Колбыча дома на катушечный магнитофон, советские стереомикрофоны (которые в приложение к нему шли), но саунд при этом получился просто обалденный! (Позже, в середине 90-х, «Хобот» переключился на исполнение рок-н-рольных стандартов и федяевских каверов, а в его составе «засветились» в качестве басиста и клавишника соответственно известные ныне электронный музыкант Толик Ковалевский и клубный деятель Евгений Васечкин. – *Ред.*)

А заповские фестивали действительно очень сильно всколыхнули всю ситуацию. Их уже ждали, спрашивали друг у друга: «А будет нынче фестиваль?» Это были просто праздники, настоящие фестивали, как я их понимаю. Мне кажется, настоящий фестиваль – это когда нет никаких наград и призов, но очень много есть отличного фестивального общения. Никто особо не зарабатывал на этом, деньги с билетов уходили на те же группы, которые привозили, как, например, «Иванова ось» с Украины. Кстати, надо отдать должное, очень большую помощь в этих фестивалях тогда оказал Аркадий Майофис с ТВ-2. Причем это была и

информационная поддержка (Коля Федяев был ведь музыкальным редактором ТВ-2), и поддержка вообще во всех отношениях.

Это вообще было время, когда вполне можно было меценатов найти на концерты. Обрубилась вся эта ситуация где-то году к 1994-му. Люди стали уже скрупулезно считать деньги, смотреть на выгоду, спрашивать: «А нам что с этого будет?» А в начале 90-х с этим было проще, люди на это шли, включались в процесс, давали деньги. Потому что многое для них было впервые, было интересно – ух ты, здорово, что-то происходит.

Справка

Глеб Успенский (наст. фамилия – Решетников) родился в 1970 году. Живет в Томске. С 1988 по 2002 – гитарист и вокалист музартели «Будни лепрозория». Группа была образована в ноябре 1988 года, распалась в апреле 2002-го.

В составе группы также играли:

Александр Саранча «Бес» (наст. фамилия Беспалов) – труба, кибернетические барабаны;

Антон Клещ «Чехов» (наст. фамилия Пережиров) – бас;

Эдуард Шиллер (наст. фамилия Бородин) – барабаны (1988–1998);

Вячеслав Базанов – кибернетические барабаны, саксофон (1998–1999).

<...>

«Нынче здесь, завтра там»

В 1990 году мы участвовали в фестивале журнала «Аврора» в Питере и в фестивале журнала «КонтрКультУРа» в Москве, и к 1991 году успели уже с гастрольями накататься очень много. На «Аврору», которая была зимой 1990 года, нас пригласили после того, как им как раз попала запись нашего выступления на фесте «КонтрКультУРы», а туда, в свою очередь, нас позвали после участия в «Рок-Периферии». То есть с нашей стороны особых потуг не было никаких, ни отсылки демозаписей, ни чего-то еще. А фестивали запомнились, конечно, многими интересными вещами. Взять ту же волну магаданской музыки: «Восточный синдром», «Конец, Света!», «Миссия: Антициклон». А следом и якутские группы, «Чолбон», например.

В Новосибирске еще проводились интересные концерты «Next Stop Rock'n'roll», там выступали «Чолбон», «Миссия: Антициклон» и, кажется, «Конец, Света!». Были интересные такие Интернедели (на которые приезжали англичане The Shamen, питерцы «НОМ», «Два самолета» и другие). Мы на все эти мероприятия так ни разу и не попали. Нас пару раз приглашали, но были какие-то нестыковки, и не получилось. Еще я до сих пор жалею, что в 1990 году мы не попали на «Рок-Азию», которую Женя Колбышев (известный сибирский промоутер и продюсер. – *Ред.*) устраивал в Барнауле. Он через кого-то нас тогда приглашал, и ему за нас, но без нашего ведома, ответили, что, мол, они готовятся к «Авроре» и не смогут. Мы же, как говорится, ни сном, ни духом... А это была чуть ли не единственная возможность на одном мероприятии пересечься, скажем, с Янкой Дягилевой. Мы ведь в то время старались вообще ни от чего не отказываться, выступать везде – это

мало того что опыт, но и, опять же, общение, очень немаловажная вещь.

Или вот в 1997 уже году мы были на фестивале в Самаре «Рок-Жигули», и там я для себя открыл местную группу «Стугерон-Янсон», потом уж мы с ними близко законтачили, но в тот момент для меня это было невероятное открытие. Молодые, в общем-то, ребята, но такой драйвище! Вокалист Паша, дикий поклонник Бродского, писал совершенно потрясающие тексты, это совершенно не похожий ни на что взгляд на мир. Я их слушал просто не отрываясь. Причем, надо заметить, когда мы ездили по фестивалям, я всегда был таким дисциплинированным слушателем. Мне не очень нравилось где-то ходить, тусоваться, я честно сидел и слушал выступления (ну, разве что, кроме какой-нибудь откровенно невыносимой лажи). И всегда что-то открывал для себя, какие-то интересные группы. Фестивали же были почти единственным способом узнать что-то новое, особенно на выезде, за пределами города.

Отступление третье, пиратское

Еще один источник информации – записи. Они тогда сами собой ходили, то там, то сям – скажем, по московским коллекционерам путешествовала запись выступления «Детей Обруба» на фестивале «СыРок». И наши записи тоже ходили в Москве постоянно.

Кассетная культура магнитоальбомов была очень интересным явлением. Я помню первый альбом «Аукциона», который я услышал, – «Так я стал предателем» – это был 1990 год. Я взял бобину, пришел в общагу к Сане Давыденко, став-

лю на магнитофон, начинаю слушать и тихо фонарею... При том, что это был первоначальный вариант альбома, последним треком на нем шел инструментальный вариант песни «Охотник» – для меня тогда это стало просто открытием. Где-то, помню, на день у кого-то взял катушку с концертом «Звуков Му» и тоже переписал на кассету себе. Кто-нибудь что-нибудь откуда-нибудь привозил. Ту же «Гражданскую оборону». Поедет кто-нибудь в Омск или Тюмень, потом приезжает: «Во! Что я привез! Новый альбом, 89-го года!» И все садятся, слушают. И ведь все вот так ходило на кассетах и бобинах.

— Да, а потом появились более-менее массовые музыкальные журнальчики и газетки, московский «СДВИГ», новосибирская «Рок-газета ЭНск», и в них уже рекламировались разные студии звукозаписи, рассылавшие эти самые магнитоальбомы.

— И надо, в принципе, сказать им спасибо, хотя это и пиратство чистой воды – но зато это в народе ходило. На самом деле, вот сейчас похожая ситуация с трз-файлами: ты можешь кому-то куда-то отослать, где-то выложить, чтобы забрали. И масса вещей интересных вот так и ходит. Принцип тот же, только технический уровень иной. И я думаю, что подобные вещи останутся. Появятся какие-то новые носители информации, но принцип останется. Я думаю, что у человека желание делиться чем-то интересным, что он для себя открыл, было, есть и будет. По принципу «а ты слышал группу такую-то?» и т. д. То есть не навязывание, не рекламный пиар, а именно «мне было интересно – и ты послушай». И пока такие вещи живы в людях, желание делиться чем-то интересным – это будет существовать и находить новые формы. Ведь если взять наши города (а уж про весь мир я вообще молчу!) – то в любом городе есть обязательно один-

два-три коллектива очень интересных, характерных именно для этого места и ни на кого не похожих.

«Будни» в записи

— В первой половине 90-х вы не только ездили по фестивалям и концертам, но и начали записываться?

— Самая моя любимая запись наша – наш первый альбом, записанный в общежитии на два катушечных магнитофона. Всё делали сами, сначала прописали инструментал, а потом голос и трубу с флейтой писали на второй магнитофон, проигрывая с первого, наложением таким.

Но в принципе, записи, конечно, были важны, но все-таки «Будни» никогда не были студийной командой. То есть мы получали в студиях, конечно, какой-никакой опыт, который вроде необходим, даже для самореализации – да, мы это сделали, записали. Но в итоге мне чаще всего не нравилось то, что получалось. Не нравился этот вечный счетчик в голове: ты считаешь время, деньги, сколько часов ты можешь выкупить. И достаточно денег никогда нет, и ты вязнешь в этом, начинается гонка какая-то.

Ну а по большому счету, лучшая наша запись, наверное, – это альбом «Моржи в облепихе», который в 1993 году мы в Новокузнецке записали. А вот альбом «Бойся» 1996 года, на мой взгляд, это полный крах, полная неудача, мне не нравится вообще. Там очень хороший материал, который надо было по-другому подать. Ну и ко всему прочему, с ним такая непростая ситуация сложилась. Звукооператор, с которым мы его начали писать на студии Bosstone, Анатолий Осокин, умер после того, как были прописаны барабаны и бас. Потом все зависло, с деньгами были проблемы. Спаси-

бо Юрию Толокову (в те годы владелец известной многим томским меломанам студии «Альтернатива». – *Ред.*), он тогда очень помог в этом, в том числе материально. Вроде дело сдвинулось, но, например, барабаны были записаны слишком перекомпрессированно, а кому это в вину ставить – человека уже нет. Перезаписывать тоже нет ни времени, ни возможности. Мы пытались из этого что-то сделать, но получилась, на мой взгляд, просто ерунда. Поэтому мне всегда больше нравились наши записи с концертов, они более соответствовали действительности, ничего искусственного, никакого придумывания. Я и сейчас уже, сам по себе, отказался вообще от студийных записей. У меня было несколько попыток писаться, чего-то придумывать, и я понял, что все это от лукавого. Мне намного интереснее вживую все это делать.

С «Буднями», кстати, был еще один странный опыт записи, когда в 1993 году в Новосибирск приехали американцы Pinocchio Vampire со своей передвижной студией. Они выпускали сборник «Сибирский экстаз», и там была какая-то ерунда с авторскими правами. Мы специально отрепетировали шесть совершенно новых песен для этой записи. Приехали, прописали «минусовку» без голоса и трубы. И тут начинается разговор об авторских правах – они нам говорят, что мы не сможем нигде это издавать больше. Мы, конечно, тихо офигели и включили задний ход: спасибо, нам это не надо. Потом они нас очень долго уламывали, и в итоге мы взяли три старых песни, заново их прописали и отдали. Но и те шесть «минусовок» они увезли с собой и еще долго по переписке нас упрашивали даже в таком виде где-нибудь выпустить. Мы отказались. Надеюсь, что они народ законопослушный и без нашего ведома ничего не выпускали.

Отступление четвертое, телевизионное

— Кстати, с упомянутой выше Юльчей Шерстобитовой мне довелось общаться во времена телекомпании «Студия Т», на которой как-то сконцентрировались многие богемные и андеграундные персонажи – и Андрей Труш, и Джон Кузьмин, и Леша Резвых, и Боря Стригунов. И как-то мы захотели сделать свою музыкальную телепередачу а-ля борисовская «Экзотика», и собрались на некий мозговой штурм: Труш, Резвых, Лена Кузнецова из «Передвижной Хиросимы», Юля Шерстобитова... Обсуждали, придумывали что-то. Потом Труш с Кузнецовой ездили в Питер и Москву за материалом и привезли оттуда еще и гору виниловых пластинок Ленинградского рок-клуба, которые долго продавались на всяких томских концертах.

— О масс-медиа и телевидении вообще можно отдельно говорить. О том, что делал Николай Федяев, когда создавал музыкальную редакцию на ТВ-2. Замечательная передача «Барабан» – это был первый, по сути, момент, когда томская музыка (и не только томская, но и другие группы, приезжавшие на тот же запповский фестиваль) доходила до томского зрителя. Вдруг стало можно увидеть что-то еще и по телевизору.

— Да, и происходили какие-то безумные экспериментальные вещи – например, на той же «Студии Т» вышла как-то программа о Joy Division, и в качестве ведущего был Тэн (Сергей Тендитный, известный богемно-тусовочный персонаж, занимавшийся всем, от философии до пиара. – *Ред.*), на фоне каких-то березок рассказывавший о жизни и смерти Яна Кёртиса.

Обложка КАССЕТЫ – АЛЬБОМ «ЖИВЬЕМ!». 1990-Е ГОДЫ

— Да, в то время много чего вдруг стало можно вещать. На той же «Студии Т» Андрей Филимонов с Леной Газукиной показывали фильмы какие-то совершенно авангардные по ночам. Я представляю себе простого бедного обывателя, который включает ночью ту же «Студию Т» и слушает этот «гон», понятный только человеку более-менее подготовленному. Хотя именно так, может, кто-то какие-то вещи для себя и открыл.

— То, что показывал Федяев в «Барабане», – сейчас бы сочли стопроцентным «неформатом», а я для себя открыл тогда не только томские группы, но и всякие питерские дела – клипы «Дурного влияния», Владика Мамышева-Монро – которые ему присылали.

— Да можно вспомнить и центральные передачи того времени, те же «Экзотику» и «Программу А»... Туда даже томские дела попадали, клип Колбыча с «Хоботом» был в

«Экзотике», шатовские «Крысы и доллары» попали в конкурс видеоклипов «Программы А».

— А потом, в 1994-м, уже и мне довелось продолжить немного федяевское дело на ТВ-2 – три года передача «Оркестр желтых телевизоров» выходила, три года в ней показывалось все интересное – от Doors и Боба Марли до Portishead – и конечно, все, что было в Томске. Съёмки концертов (например, телеверсия знаменитого концерта «Передвижных Хиросим» в Хобби-Центре), интервью, даже попытки снимать клипы – от «Африки» до Темы Жиликова (экс-гитарист «Передвижных Хиросим», ныне известен как сольный исполнитель Тёма Рок-н-ролл. – Ред.).

«Новая волна, где она»

— Есть, видимо, смысл считать группы, появившиеся к середине 90-х, второй волной томского рока? Те же «Утро», «Танцы с муравьями», «Холодный Грок» и т. д.?

— Да, я думаю, так и есть. Пошла другая волна, другие составляющие. Кстати, из той же «второй волны» вышли и «Духи цеха», еще с первым составом, с Брагиным покойным. Или тот же Слава Лощилов, начинавший в группе «Арба», а потом собравший «Африку», и те же «Танцы с муравьями». Тут, самое главное, пошли уже различные стилистические формации, все стало более разветвленным и разнообразным. Этого не было раньше, у старых групп, которые условно делились на «тяжеляк», то есть хард-н-хэви, и все остальное. А тут стало все видоизменяться, делиться на подвиды и жанры. Стали появляться рэгги-группы, хардкор-группы, брит-поп-группы и т. д. Я вот читал недавно книжку про

Карла Линнея и его классификацию видов животных: тут, в принципе, почти то же самое. Сначала что-то одно, потом нарастает новое, всего становится больше, появляются уже окончательные виды и типы. Групп стало больше, и стилевых ячеек, соответственно, тоже стало больше.

— А как между собой эти поколения групп контактировали? Была оппозиция друг другу или, наоборот, сотрудничество?

— Ну вот самым первым, наверное, совместным мероприятием, где участвовали и «старые» группы, и «новые», был Фестиваль Джона Леннона осенью 1990 года в ДК ТЭМЗ. Вот выступали, с одной стороны, «Волосы» федяевские, «Будни», то есть мы, и там же были молодые «Белый билет», «Утро», кто-то еще. То есть такое слияние этих «волн» само по себе произошло. В 1991 году прошел последний запповский фестиваль, после этого у «старичков» уже немного концертов в Томске было, и произошла как бы сама собой такая «автозамена»: одно уходило, другое приходило. Как будто река слегка меняла русло.

Мы, скажем, тогда плотно познакомились с Сергеем Шпульём (в то время барабанщик группы «Улис», впоследствии создатель электронного проекта *spul*. – *Ред.*). В 1993 году мы в его подвальчике стали репетировать, так как своей точки у нас тогда не было. А когда в 1994-м у нас появилась новая репетиционная точка в подвале 5-го корпуса Политеха, то у нас тот же Шпуль репетировал. Потом, уже в 1998-м, иногда репетировал Гриша Горцев со своей группой «Городской маршрут». «Духи цеха» репетировали, их альбом «Мухи ямы» записан как раз на нашей точке. Это было нормальное взаимодействие, ты можешь помочь кому-то – помогаешь, а кто-то может помочь тебе – помогает.

— Кстати, тогда же, в середине 90-х, в Томск хлынула и некая «волна» северских групп. Группа «Дети застоя», получившая прозвище «северский Крематорий» за скрипку и полуакустический звук, а также панки «The Крыша», «Джа». Причем «The Крыша» ведь очень быстро завоевала культовый статус, и году в 1995-м каждый их концерт был однозначным аншлагом.

— Мне нравилась «Крыша», когда они только начинали, у них и песни были совсем другие, а после они пошли по всей этой хардкоровой «мясной» стезе.

Ну а потом коллективов становилось все больше и больше, какие-то вещи стали проходить мимо, за всеми уследить стало просто невозможно.

Эра кибернетики

В 1998 году от нас ушел Эдик Шиллер, и первый этап истории «Будней лепрозория» закончился, дальше все уже по-другому пошло. Брать другого барабанщика мы не хотели, потому что Эдик для нас был не просто барабанщиком. Ну а раз так, значит, надо было решать вопрос как-то иначе. Так и появилась драм-машина. Тут надо сказать спасибо Славе Базанову, он делал на ней первый программинг, очень плотно тогда поработал, что-то наше переработал по-новому, придумал какие-то фишки и убил на это уйму времени. Что-то мы потом скорректировали, что-то нет, но убили еще больше времени, вникая во все. Дело в том, что на драм-машине мы не хотели имитировать живые барабаны, а хотели какого-то нового звука. В итоге где-то год примерно заняла вся эта канитель. И уже в 1999 году мы вышли в новом виде на публику. Сначала Женя Колбышев пригласил нас на

алтайский фестиваль «В горах на быстрой реке», в котором участвовали все наши рок-звезды («Пикник», Tequilajazzz, «Крематорий» и др.), а также региональные коллективы – «Чёрный Лукич», барнаульцы «Дядя Го». На этом фестивале были и наши кемеровские друзья – Игорь Давлетшин, к сожалению, уже покойный, и другие. Они нас знали еще по старому составу, а тут услышали в новом варианте, им это понравилось даже больше. И они пригласили нас в Кемерово на фестиваль «Культурные герои XXI века», который тогда перед выборами СПС проводил в разных городах. Мы приехали на отборочный кемеровский тур в качестве гостей. Там присутствовал Андрей Борисов (создатель медиапроекта и лейбла «Экзотика». – *Ред.*). Ему наше выступление очень понравилось, мы имели с ним очень обстоятельный разговор. Я потом читал в интернете про московский «разбор полетов» этого фестиваля, когда обсуждалось, кто на финальный фестиваль в Москву попадает. И там Борисов просто заявил, что если «Будни» не приедут, то он уйдет из оргкомитета.

Вот таким образом, даже не от Томска, а как бы через Кемерово, мы оказались в Москве на «Культурных героях XXI века». После этого отношения с Борисовым продолжались, мы участвовали еще в нескольких мероприятиях, к которым он имел отношение.

Потом мы участвовали в кемеровском фестивале современного нового искусства «Симпозиум». То есть мы двинулись по такому арт-направлению, стали участвовать не в узконаправленных рок-фестивалях, а в мультикультурных фестивалях современного искусства, где было все: от МЭйл-арта и видеоарта до электронной музыки и диджейства. И это такие вещи, которые меня до сих пор интересуют и в которых я до сих пор, выступая уже один, принимаю участие. И мне кажется, что такой подход – очень правильный. Мне

интересны вещи, которые на сплаве разных тенденций идут, где все перемешано, границы стерты и распадаются.

И в тот период, в 1999, 2000, 2001 годах, были очень интересные мероприятия. В Новокузнецке Рома Корниенко (известный новокузнецкий видеохудожник, виджей и клипмейкер. – *Ред.*) проводил очень большой фестиваль «Новый город», тоже построенный по принципу культурного разнообразия, характерного для нового времени.

А мы в новом составе просуществовали три года и потом, по ряду причин, прекратили существование. Финал пришелся на апрель 2002 года. У нас был концерт в клубе «Диктатура», ставший последним. На мой взгляд, это один из худших наших концертов. Мне за него до сих пор стыдно, было много технических косяков с нашей стороны. После этого мы, без каких-то специальных объявлений, прекратили существование как группа. Закончилось все по-тихому, без какой-либо ругани. Мы хорошо друг к другу относились и относимся. Просто, видимо, в тот момент закончился период «Будней лепрозория» и наступила другая эпоха. Антоний в итоге ушел из музыки вообще. А Саня Бесыч пел и играл в «Пересеке», сейчас экспериментирует с диджеями. <...>

Александр Арляпов

К Лене Бочаровой мы поехали вместе с мужем. На протяжении десятилетий у них сохранялись теплые дружеские отношения, включающие в себя прослушивание разной музыки, обсуждение прошлого, настоящего и будущего и водкопитие, конечно.

Сегодня Лена – выпускница факультета психологии Томского государственного педагогического университета, мама двух дочерей, причем старшая учится на историческом факультете ТГУ. А в 90-е годы Лена была хорошо известна в рок-н-рольном движении как активная тусовщица. Что она сама может вспомнить о своих девяностых?

Лена Бочарова: **«Rock around the clock»**

ПЕСНЯ, НАПИСАННАЯ В 1952 ГОДУ АМЕРИКАНСКИМИ МУЗЫКАНТАМИ МАКСОМ ФРИДМАНОМ И ДЖЕЙМСОМ МАЙЕРСОМ. ПЕСНЯ ПРИОБРЕЛА МАССОВЫЙ УСПЕХ В 1955 ГОДУ В ЗАПИСИ БИЛЛА ХЕЙЛИ И ЕГО ГРУППЫ THE COMETS. НЕСМОТРИ НА ТО, ЧТО «ROCK AROUND THE CLOCK» НЕ СЧИТАЕТСЯ СОВЕРШЕННО ОДНОЗНАЧНО ПЕРВОЙ ЗАПИСЬЮ РОК-Н-РОЛЛА, ИМЕННО ОНА СЫГРАЛА РЕШАЮЩУЮ РОЛЬ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ДАННОГО ЖАНРА (Википедия).

— Лена, как ты очутилась в Томске? Ты ведь учиться сюда приехала?

— В Томск я приехала с Сахалина, в 1986 году, и поступила на физфак. Вообще я выбирала между физикой

СЛАВА ШАТОВ. ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА.

и музыкой: окончила музыкальную школу, но готовилась поступать на физический. Поступила, и первые три года жила себе в «восьмерке» вполне целомудренно. Кстати, когда я поступила, мне было всего 16 лет. И только на третьем курсе, когда исполнилось 19, я познакомилась со всей тусовкой.

— **А с кем первым?**

— С Тэником, он ведь тоже жил в «восьмерке» с Ирой Телковой. Потом — с Джоником (Евгений Кузьмин, продю-

сер), с Шатовым и вообще со всеми. Джоник тогда работал сторожем на «Студии Т» (была такая коммерческая телестудия), и там было такое место тусовки: мы ночью приходили и смотрели разные фильмы. А Джоник там, можно сказать, свою карьеру начал: он изучал аппаратуру по ночам, что-то снимал. Вообще там много народу было со своими проектами — Лена Кузнецова пыталась делать с Трушем некую программу, позже начал работать Стригунов. Ночами все набивались, смотрели классное кино и постоянно зарубались о том, что бы такое придумать, какую-нибудь классную продвинутую концепцию, и ее воплотить. Помню, как Шатов рассказывал: ему Джон предложил идею клипа, от которой Шатов плевался и матерился — сюжет заключался в том, что

весь клип на экране танцует голая девушка. Может, его Шатов, конечно, не понял, но говорил, это идиотизм полный, неужели Джон это серьезно так хотел сделать? А тот мог!

— В это время ты и распрощалась с физфаком в пользу тусовочной жизни?

— Ну как... Я сдала экзамены после третьего курса, поехала домой и объявила, что отчисляюсь. Скандалы начались, конечно, большие. Но я вернулась обратно в Томск, действительно отчислилась и пошла работать в Научку, в зал периодики. Сняла комнатку вместе с Аней Бересовской – на Степановке, недалеко от переезда, – у какого-то алкаша. Комнатка эта нам, можно сказать, по наследству досталась – ее до нас снимали тоже какие-то студентки физфака, вполне приличная была комнатка, даже с телевизором. А немного поодаль, тоже на Степановке, жила вся эта тусовка. Так что я познакомилась со всеми довольно близко. Еду им носила, если совсем денег не было... Ну это пока я работала, а потом все наперекосяк пошло.

— А кто там, собственно, жил?

— Рыжий с Ингой, Фрейер с Наташей. Для меня там стояла раскладушка, мои вещи лежали, и даже мое личное постельное белье там было – хотя вообще я там не жила, только приходила, ночевала иногда. Тусовался там Нариман, тогда он еще в человеческом образе был. Джоник иногда ночевал. Все вместе мы часто ходили на концерты: помню концерт в Хобби-Центре, когда приезжали Клаксон Гам с Настей Полевой – после него мы к Шатову поехали тусоваться. Я помню, что тогда ходила постоянно в таких зеленых штанах – ярких, крупного вельвета.

Концерт с Шатовым хорошо помню – очень классный, где-то на Иркутском тракте его устраивали. Там была такая энергия, все после него передрались, но Шатов всех про-

«ПЕРЕДВИЖНЫЕ ХИРОСИМЫ». КОНЦЕРТ НА «ТОЧКЕ». 1990-Е ГОДЫ. (ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА)

сто зажег. Он потом говорил – такое ощущение, что там где-то бес витал. Перекалились все.

— **А с Витей Панком ты была знакома?**

— Нет, я и не видела его ни разу, на видео разве что. А вот кого я видела – Егора Летова, была на его концерте в «Родине». Народу там было немного, помню, что Карпицкий был... Потом с Летовым болтали после концерта.

Я помню, что когда увидела его живую – просто по-

разилась, как из этого тщедушного тельца, из такого небольшого, сублильного человека – идет вот такое, такой голос, такая энергия! Это как мыш, рождающая гору. Контраст сильнейший. Такой спокойный внешне, в общении, интеллектуал, но на сцене это что-то невероятное.

— **Какое у тебя было ощущение того времени?**

— Жизнь бурлила со всех сторон, но особенно бурной была внутренняя жизнь, и мне было не только на политику, вообще на все плевать. Кругом столько всего происходило, я не успевала даже все запоминать. Сейчас такое ощущение,

что вокруг были сплошные приколы, какие-то эпизоды – ну вот, например, как-то раз мы с Шатовым сидели на крыше под дождем. Там матрас был, кто-то притащил – философ какой-то или историк, – и мы там сидели. Под дождем. Шатов все что-то рассказывал – мне это больше всего нравилось, когда он рассказывал. И не только мне одной! Джон как-то приходит, ухохатывается: я, говорит, иду с остановки на Южную, смотрю – стоит бочка с пивом, кругом толпа народу, а на бочке кто-то стоит и вдохновенно вещает, втирает что-то. А это, оказывается, Шатов!

Вообще с Шатовым было связано много историй. Вот, например как он с Ханановым бегал голым в буфет.

— Э-э-э-э-э...

— Это прямо при мне было. Был какой-то приколы одно время, раздеваться, ну, понятно, чтобы всех шокировать. И вот утро, общежитие «тройка», приличные девочки и мальчики собираются в университет. А Хананов и Шатов, одуревшие от алкогольной ночи, разделись и начали приставать к девицам с вопросом «Как пройти в библиотеку?». Ничего оригинальнее придумать не могли! Но потом все-таки придумали, да... Хананов и Шатов спустились на первый этаж, к буфету – он уже начал работать, буфетчица – тетенька такая, все хозяйство раскладывает... И вдруг Хананов забегают в буфет, абсолютно голый, хватается копченую курицу и убегает. Представляешь? И бежит такой, веселый, довольный, голый, с этой курицей копченой. Буфетчица вообще там давно уже работала, всех знала, но тут даже ничего сказать не смогла – у нее «глаза выпали», по словам Хананова. Мы, конечно, курицу эту втроем сожрали... Но Хананов потом расплатился за нее. Да и буфетчица особо не ругалась, тоже, наверное, прикалывалась. В общем, такие вот эпизоды, дурацкие абсолютно, но было смешно.

— А помнишь, эти истории назывались – «телеги», и уже не поймешь, какие из них правдивые, а какие просто придумали.

— Да, это, например, телега про то, что дом, в котором Шатов жил, до этого принадлежал какому-то криминальному авторитету, и поэтому Шатова менты не трогали. Он выползал из дома на мост, и они его благополучно подбирали, не били даже.

— Или о том, как они со Скуратовым нашли чемодан с миллионом, а потом отдали.

— Это-то чистой воды была телега. Надо же было им мозг размять, почесать – помечтать о чем-то. Шатов как-то раз утром пришел в «тройку» и начал размышлять о том, что вот нашел бы он чемодан с деньгами. Что бы он сделал? Смог бы его взять? Просто задача была такая, абстрактная, и он ее захотел порешать. По типу – а не побрезговал ли бы он, или, может, нужно было бы их выкинуть, ну просто теоретически. Он вообще мифотворец был, как и многие в то время. Хотелось изменить сознание, вместить себя в другую реальность, наверное – этого в свое время и психоделики бо-х добивались, вот этого эффекта измененного сознания. Но вообще, мне кажется, у всех в девяностые был какой-то сдвиг, у всего поколения.

— Я Шатова чаще видела на сцене, чем общалась с ним лично. Какой он был человек?

— Интеллигентный, порядочный русский человек. И я бы не сказала, что агрессивный – это была не агрессия, а энергия. Он был светлый, талантливый, очень классный. Совершенно нормальный – просто он попал в такую волну, может быть, поэтому казался каким-то необычным. Он отлично пел, и не только на сцене – во всех компаниях, по всей «тройке».

СЕРГЕЙ ТЕНДИТНЫЙ, он же ТЭН. 1987 год
(из семейного архива)

— Казалось бы, откуда у простого парня из Колпашева такой талант?

— Простой парень? Ну нет, я бы не назвала его простым парнем. Он был совсем непростой. Он много читал, много думал. Увлекался Розановым, философами. Очень много знал о музыке, о музыкантах – вот Тёма не даст соврать. *(Тёма подтверждает, попутно рассказывая свои истории про*

Шатова). Просто иногда ему было скучно, и он развлекался как мог.

— А когда он жил уже в своем доме, кто у него тусовался?

— Там вечно был Хайдар, Совков, Дядя Панк и Разин (Рас) – Костя Разин. Вот, кстати, про Разина. Я была знакома с ним очень давно, и это я привела его в эту тусовку. Жил себе Разин спокойно... Как-то мы с ним встретились в общажной столовой, в «семерке»: о, давно не виделись, Ленка, как поживаешь – да вот, говорю, жить мне негде. Он говорит – ну приезжай ко мне жить, я сейчас один живу в трехкомнатной квартире. Вот так все и началось. Мне до сих пор кажется, что это через меня в судьбе этого человека произошли радикальные перемены. Слом. Сначала я жила у него одна, потом как-то просочился Джон, а потом все остальные – и вот уже в этих трех комнатах стали жить Фрейер с Наташенькой, Рыжий с Ингой, Тэн начал приходить, Шатов... Разин начал слушать панк-рок, на гитаре играть, потом он с Дядей Пан-

ТОМСКАЯ ТУСОВКА. 1990-Е ГОДЫ.

Источник: группа ВК «А кто это идет по проспекту Ленина?», 23 марта 2013 г.

ком в его первой группе был... В общем, постепенно вокруг него оказались люди, из-за которых у него все сдвинулось. И наркотики начались. Из-за них он и умер.

А потом Дядя Панк, который Александр Брагин, на наркотиках оказался, и не смог с них слезть. Часто так бывает в панк-роке, но его ужасно жаль. Его песни пели до самого конца, пока «Духи цеха» существовали.

— Что-то мы о грустном... А еще у Шатова, как мне говорили, была какая-то особая телега про море.

— Точно. Это он женщин так соблазнял! И это, кстати, практически научная теория. Его мама – геолог-геодезист, и она рассказывала, что на месте Западной Сибири – на месте Томска – было море. И по всем прогнозам ученых, оно сюда вернется. Через много тысяч лет. Мы сейчас стоим на дне моря, оно здесь было, и будет снова. Я помню, как он это рассказывал, глаза горят, весь такой красивый...

Вообще мне кажется, Шатов и «Передвижные Хиросимы», когда там Тёма играл, это просто лучшее, чтобы было в то время. Это мое мнение. Много кто еще играл – «Будни лепрозория», Гриша Зубов, Федяев... Я была знакома с Максом Батуриным, очень хорошо его помню. Он тоже был яркой личностью, собирал вокруг себя народ. В его стихах заархивирован момент времени, задокументирован. Это такое максовское – «хватал собак за теплые подмышки» – я до сих пор помню. Гениально, не знаю, как выразить.

Или вот Гена Пастухов, совершенно сумасшедший, но он открыл для меня Керуака, и я ему за это до сих пор благодарна.

Вообще мне кажется, что сейчас тяжело воспринимать все это время, не зная контекста, «подложки». Кажется все каким-то бредом. В головах тогда была каша – буддизм, Кастанеда, – а Тэник пытался все это разруливать. Он так и говорил: «У меня самый сильный в Сибири мозг». Я клянусь, это его цитата.

— А Шатов с музыкантами дружил, выделял кого-то?

— Мне кажется, он всем был открыт, ему все было интересно. Хотя он, конечно, фильтровал людей, и с легкостью и жесткостью мог людей отсеять. В этом он был очень честен. Помню его определение кое-каких персонажей – порносвинка.

Вокруг него вертелось очень много людей, но он свое личное пространство держал. И вот в гости к нему далеко не каждый мог заявиться.

(Тёма рассказывает, что вообще Шатов приехал в Томск поступать в ТУСУР, почему он и жил в тусуровской общаге. И на какой-то период на Южной возникло два центра – «тройка», вся такая хиппистская и расслабленная, под влиянием Тендитного,

ТОМСКАЯ ТУСОВКА. 1990-Е ГОДЫ.
ИСТОЧНИК: ГРУППА ВК «А КТО ЭТО ИДЕТ
ПО ПРОСПЕКТУ ЛЕНИНА?»,
23 МАРТА 2013 Г.

– и «ТУСУР», заряженный панком, где были Роник, Шатов и Кузнецова. Два идеологических центра, которые разделяло-то всего метров 150.

А потом Шатов с Кузнецовой поселились в «тройке», ненадолго, жили в какой-то комнате на верхних этажах.

— Я как-то зашел к ним случайно – там была атмосфера пост-панка, тягучая, как жидкое небо. У «Аквариума» есть строчка про то, как

горящая нефть льется с этажа на этаж, – в «тройке» тоже все лилось, с этажа на этаж, но не нефть, конечно. И я просто не понимал, как в этой атмосфере можно еще что-то играть. Для меня, томича, были же и другие контексты – вот, например, Джин рассказывал, что он от «тройки» до Пентагона, где он жил, шел по Полярной звезде. Вот он, контекст – люди по звездам ходили.

А все так невинно начиналось... Я сидел в «восьмерке» и слушал музыку, время от времени появлялся Тэн... и вдруг начался потоп, и шел десять лет. Как у Маркеса. Ну вот такое лирическое отступление, да.)

**— С какими чувствами ты вспоминаешь то время?
Ни о чем не жалеешь?**

— Много чувств, разных мыслей... В том числе да, жалею об упущенном времени, о том, что университет не за-

кончила. Хотя потом же все равно доучилась, на психолога. Но тогда была главная ценность – свобода.

— Мы иногда думаем о том, что бы Шатов делал в наше время? Если бы дожил?

— Сложный вопрос, может быть, ничего бы и не делал. Может быть – уехал бы куда-нибудь, в Питер тот же. Хотя вот в Москву он ездил, с Леной, и они оттуда приехали полностью убитые. Вообще под конец девяностых все уже начало меняться, я встретила его как-то возле Дома книги – был земляного цвета, нес какую-то хрень. Они с Тэником еще потом заходили, а я в это время буквально только что Дашу родила, везде пеленки, бабушка – и они заходят, с перегаром диким... Тэник говорит: на тебя посмотреть пришли. А Шатов икает, и никак мы его водой отпоить не могли. Они недолго пробыли, я их провожать пошла. Вот таким я его последний раз видела. А через две недели пришел Джон и сказал: Шатова сбила машина. И через секунду: насмерть. И про Макса тогда же я узнала.

— Это был конец девяностых, а с чем ты ассоциируешь их начало?

— Знаешь, что повлияло на мое мировосприятие? Другая музыка. Я росла на классической музыке, но когда начала слушать «Лед Зеппелин»... У меня со стеклянным звоном разрушилось все. Я перестала бояться, и Джон свидетель – я как-то поднялась на крышу «восьмерки» и бегала по бордюру. Мне хотелось взлететь. Была такая энергия... Джон-то сидел и боялся пикнуть. Я вот сейчас вспоминаю – у меня просто руки потеют, я ведь вообще-то высоты боюсь. Но тогда все было по-другому: это просто было такое время.

«Революция – это самый буржуазный термин...»,

или Разговоры
со Славой Шатовым

ПЕРЕД ВАМИ ИНТЕРВЬЮ, КОТОРОЕ НА ДНЯХ ВЗЯЛ ВЫПУСКНИК ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТГУ АНДРЕЙ ФИЛИМОНОВ У ЛИДЕРА РОК-ГРУППЫ «ПЕРЕДВИЖНЫЕ ХИРОСИМЫ» СЛАВЫ ШАТОВА, УРОЖЕНЦА ГОРОДА КОЛПАШЕВО. МАТЕРИАЛ, ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ, ПЕЧАТАЕТСЯ ВПЕРВЫЕ.

— Я в рок-н-ролле человек посторонний, и у меня сложилось впечатление, что на рок-концертах очень большую, а может быть, и главную роль играет «тусовка», в том смысле, что она «делает» атмосферу?

— Я сам делаю атмосферу на своих концертах.

— То есть, когда ты выходишь на сцену, у тебя есть определенный план проведения концерта?

— Когда начинается концерт и я выхожу на сцену, я просто удивляюсь тому, какой контингент сидит в зале. Потому что я не склонен к общению с интеллигенцией. Это

вообще парадокс в нашей музыке. Вот Андрей Макаревич в свое время ужасно удивлялся тому, что он пишет песни для интеллигенции, а на концерты к нему приходит в основном пролетариат. А я ужасно удивляюсь, что у нас все наоборот...

— **«Сибирские Афины»...**

— Парадоксальная ситуация...

— **Подоплека предыдущего вопроса была такая: со времен Вудстока вошло в моду представление, что рок-н-ролл есть спонтанное творчество, происходящее в питательной тусовочной среде. Как ты к этой идее относишься?**

— В свое время Макларен ввел термин «грейт рок-н-ролл свиндл». Если перевести на литературный русский язык, это – «большой рок-н-ролльный обман». Вот примерно так я к этому и отношусь.

— **Есть банальный вопрос. Что такое «Передвижные Хиросимы»?**

— Это такой же образ, как «Роллинг Стоунз», только несколько радикальнее.

— **Кроме слова «рок-н-ролл», ты часто употребляешь слова «пролетариат», «буржуазия», «интеллигенция», значит ли это, что ты осознаешь себя политически?**

— Я, в принципе, воспитан на идеях Маркса и до сих пор их разделяю, по крайней мере, что касается слов «буржуазия», «пролетариат». Я бы назвал себя «умеренным социалистом». Вообще-то я не хочу лезть в политику. Я бы пошел защищать Белый дом только в одном случае – если бы там засели моя мама и бабушка... А так – я кухонный социалист. К тому же, Маркс считал буржуазию самым революционным после пролетариата классом. А поскольку наша история показала, что революционность пролетариата – большой миф, то действительно буржуазия самый революционный... Все известные

Слава Шатов возле знаменитого киоска «Пончики» на Южной. 1990-е годы (из открытых интернет-источников)

революции сделала буржуазия. И на самом деле «революция» – это самый буржуазный термин.

— **Что такое «фантастический криминал» – твоя новая эстетическая теория или просто образ, рожденный переживаниями рок-концерта?**

— Это очень долго объяснять, но я попытаюсь, вкратце. Любая новая идея несет определенный криминал. Чаще всего она рождается в

высших слоях общества, а когда она доходит до низших слоев, что называется «подонков общества», до тех, кто непосредственно осуществляет криминал, она несколько опошляется. А «фантастический криминал» – это то, что несет криминальную энергетику, но еще не успело опошлиться.

— **Пошлость для тебя синоним массовости?**

— Да мне просто не нравится, когда люди одинаково одеваются и одинаково думают.

— **А когда ты выходишь на сцену, ты пытаешься этих людей, которые перед тобой, как-то «взбодрить»?**

— Я замечаю на своих концертах некоторый уголовный элемент, который, в принципе, одобряет то, что я делаю.

Пожалуй, что я одновременно направляю свою музыку на криминальный элемент в зале, и пожинаю его положительную энергетику, и пытаюсь шокировать ту часть интеллигенции, которая все еще составляет большинство на наших концертах.

— И она, интеллигенция, тебе сильно не нравится?

— Никто из моих единомышленников университета не кончал. И вообще, очень трудно себе представить Мика Джеккера с высшим образованием... Джона Леннона я не могу себе представить, не говоря уже о таких людях, как Джонни Роттен... А те, кто действительно имеет высшее образование – Фрипп, «Пинк Флойд», их мне слушать скучновато. Это же относится и к нашим архитекторам от рок-н-ролла (*прим. – «Будни лепрозория»*).

— Ну, русскую интеллигенцию отличает наличие русской идеи.

— Я не против конкретных русских идей. Но когда люди посвящают свое свободное время рассуждениям на тему: куда идет Россия, зачем она нужна, что Россия умерла и как бы нам ее обустроить... Мне это скучно.

— А мог бы ты обозначить тему своих песен?

— Темы рок-н-рольных песен сформулированы не мной. Это, говоря радикальным языком, любовь, наркотики и насилие. А в нашем официальном, московско-ленинградском роке я этих тем почти не нахожу.

— Говорят, что у нас сейчас насилия более чем достаточно. Может быть, насилие – это наша среда обитания?

— Насилие вокруг нас, и наше дело, как художников, отражать это, а не думать, как нам от него избавиться. Потому что от насилия невозможно избавиться. Когда в 80-х годах наша интеллигенция от рока мечтала сокрушить Советский

Союз и думала, что тогда насилие исчезнет... Но оно никуда не исчезло... Хотя сейчас ни оппозиция Ельцину не представляет угрозы для рок-н-ролла, ни сам Ельцин. Какая-то угроза была, когда Андропов выступил в 1983 году на каком-то пленуме. Это была последняя угроза для рок-н-ролла. Сейчас ее нет.

— **А может быть, ему это не очень-то полезно?**

— Почему? В 60-е годы разве была особая угроза для рок-н-ролла в Англии или в Америке? Тем не менее он там развивался.

— **Скажем, «Роллинг Стоунз» пытались цензурировать на ТВ. Говорили им: «Спойте, ребята, «летс спент самтаймз тугезе» вместо «летс спент зе найт»...»**

— Ну, какая же это угроза. Если бы меня брали в телевизионные шоу, я бы изменял слова, как им нужно.

— **Но по сути дела, до 1954 года, когда рок-н-ролл в Америке был объявлен «коммунистической пропагандой», это были очень незатейливые песенки, а в 60-х рок-н-ролл стал мыслить.**

— А я не думаю, что песни Пола Анки о том, как здорово проводить время с девочкой на заднем сиденье автомобиля, менее рок-н-рольные, чем призывы «Давайте будем делать любовь, а не войну!»

— **То есть, хиппизм ничего нового в палитру человеческих чувств и в рок-н-ролл не принес?**

— Мне не нравится хиппизм. Я думаю, что если бы исключить хиппизм из рок-н-ролла, то рок-н-ролл стал бы гораздо лучше. Потому что в свое время Элвис не пел ничего «хиппического», он, наоборот, стучал в ФБР. Я считаю, что рок-н-рольнее стучать в ФБР, чем кричать: «Дайте миру шанс!»

— **Ты считаешь, что Леннон лицемерил или юродствовал?**

— Я считаю, что это не радикально. Вернее, то, что радикально для мальчика в круглых очках и с длинными волосами, совсем не радикально для уроженца города Колпашево.

Все, кто хоть раз видел выступления группы «Дети Обруба», не могли его не запомнить – высоченного артистичного фронтмена, шоумена, к которому даже никакая кличка не прилипла – он и тогда был просто Рома Шамолин. Из всех «Детей Обруба» мне оказался «доступен» только он, со своей вполне официальной биографией преподавателя и руководителя образовательных учреждений Новосибирска. И – вот удача – Роману как раз что-то понадобилось в Томске, а во время своего визита он нашел время для того, чтобы встретиться со мной и поговорить – конечно же, о тех самых девяностых.

Роман Шамолин:

«Нас объединила эйфория от свободы»

— Итак, место действия – Томск, время – девяностые годы... Когда они начались для тебя?

— С 1987 года, когда я приехал в университет, в Томск из Новосибирска. Но вообще и девяностые, и перестройка для меня начались с того, что рухнул железный занавес, и это я осознал очень отчетливо. Именно тогда мы получили возможность узнать то, что до этого было запредельным,

ПОРТРЕТ РОМЫ ШАМОЛИНА – ОТ НЕГО САМОГО

запретным. И эта возможность вызвала огромный восторг и огромный драйв. Началось это, конечно, еще в школе – но там особо не поощрялось. А в Томске, на истфаке, случился просто взрыв мозга, мы восприняли новые знания просто как попадание в мейнстрим. С первого курса мы начали соревноваться с нашими преподавателями – кто достанет более экстремальную

информацию и представит ее на семинаре.

Одним из любимых предметов сразу же стала «история КПСС, потому что это была настоящая история разоблачений, история вытаскивания демонов наружу. И наш преподаватель, профессор Красинский – вот не помню уже его имени-отчества, – был великолепен, как, впрочем, и все наши профессора. На каждой лекции, на каждом семинаре совершалось какое-то открытие. Буквально все, что мы узнавали на историческом факультете, открывалось совершенно с других сторон, нежели нам преподносилось в школе. Конечно же, те, кто готовился поступать на истфак, читали много чего и помимо школьной программы, мы многое и так знали – но в университете Томска мы приобрелись к совершенно новым, я бы даже сказал – сакральным знаниям.

— Как ты познакомился с Мистером Панком?

— Витя Шестаков был старше меня: я тогда на первом курсе был, а он уже на третьем, и к тому же он уже из армии вернулся, там два года служил. Так что на пять лет старше меня был. А познакомились мы... Все дело было в любви к русскому року, алкоголю и ночному образу жизни. Это очень объединяет людей. У нас была общая эйфория от свободы и общее желание разрушить старое, освободиться от него – от всего советского, политического, бытового... от всего этого зомбиленда. Музыка «Детей Обруба» была, по сути, посвящена вот этому состоянию – освобождению от советского контроля, советского патриархата.

В общем, так вот мы и создавали по ночам эту музыку. В «Детях Обруба» я занимался тем, что устраивал панк-шоу на сцене. Концерты наши были в студенческом городке на площади Южной, в домах культуры, а еще в филармонии, на рок-фестивале «Рок-Периферия». Я обычно выступал в дедовских кальсонах, носился по креслам зрительного зала и выплескивал в зрителей ведро воды. Нормальный панк, но после нашего выступления в филармонии рок-концертов там больше не рисковали проводить, насколько знаю.

И стихи еще писал для «Детей Обруба». Половина текстов в песнях группы – мои.

— Ой, а я всегда думала, что это Панк их сочинял. Вы вместе писали?

— И он писал, и я. Хит Вити Шестакова – это, конечно, «Крыша едет». Мои – «Пятиконечный рок-н-ролл», «Кто это идет по проспекту Ленина», про пионерский барабан. Где-то половина на половину были его тексты и мои. Слава Шатов тоже делал классные тексты-хиты: «Перепись населения», «Те, кто разносит повестки», например. Он играл в «Детях Обруба» где-то с год. Но они с Витей оба были такие жесткие

Роман Шамолин (справа) и Витяй Блащицын (слева). 1990-е годы

харизматичные лидеры и не смогли долго уживаться вместе – естественно, что разбежались. Слава не был студентом-историком, он был вольным поэтом – и человеком, который очень остро чувствовал свободу и воплощал ее своей жизнью. Позже он создал свою панк-группу «Передвижная Хиросима». В конце 90-х Слава Шатов погиб.

Еще с нами играли Хэвик, Женя Старостин, – соло-гитара, Коля Огаркин, бас-гитара, ударником у нас был Гусаров, такой довольно закрытый чувак, мы ним мало общались. На первых концертах с нами еще был человек по прозвищу Гаккель, виолончелист: такой алкогольный хоббит, очень прикольный, сидит и пилит на виолончели.

— Вы в общежитии собирались?

— Да, и еще у нас тогда было рок-панк-логово в трущобах на Московском тракте. Мы снимали старый древний покосившийся дом типа как с привидениями – две комнаты, печка. Из подпола выбегали огромные крысы, а чтобы с ними

«Дети Обруба» - LIVE IN СЫРОК (1990).
Источник: группа ВК «А кто это идет по
проспекту Ленина?», 23 МАРТА 2013 Г.

бороться, мы периодически оставляли там трех-четырех котов, которых принципиально не кормили, чтобы они этих крыс жрали. Все стены были в разных коллажах, плакатах – Pink Floyd, Цой, «Аквариум» и все такое. Я делал какие-то забавные штуки, например, была там старая доска, прибитая к стенке, с табличкой – «Фрагмент от

Троянского коня». Групповой портрет политбюро ЦК КПСС висел в «красном углу», где иконы полагались в избах. Кусок камня с табличкой «От Вавилонской башни»... К стене прибит кирзовый сапог: «...его потерял Брежнев, спасаясь с Малой Земли»... Колючая проволока типа как от ГУЛАГа... в общем, все такое.

Жить там, конечно, было непросто, но периодически кто-то жил. Витя Шестаков там часто обитал. В общем, такая квартирка была, больше для кочевых наездов. Ну или приехать туда с барышней из тех, что любят сильный экстрим.

— И репетировали там же?

— Нет, репетировали «Дети Обруба» где-то в общежитии политеха, был там какой-то подвальчик. Я-то к репетициям не имел прямого отношения, я делал тексты и шоу, а это не нужно репетировать.

— А музыку кто придумывал?

— Витя Шестаков, конечно. Вообще репетиции были постоянно. Как начнется ночное питье водки, так и песни начинаются, и создание новых вещей. Я приносил тексты, – писал их обычно на лекциях. Говорил: смотри, Панк, вот такая тема, давай попробуем что-то с ней сделать? И на подоконнике, с бутылкой водки – вот песни и складывались.

— Меня всегда интересовал вопрос: сильно рок-музыка и вся эта тусовка мешала учебе?

— Наоборот. Я вообще на красный диплом шел. Самое большое, что мешает учебе, – это женщины, а вовсе не рок-музыка. Музыка давала совершенно бешеную энергетику, мы жили на вдохновении, а тогда успеваешь намного больше, чем в так называемом спокойном, нормальном ритме. Мы жили в состоянии удивления, драйва и вызова, а это все держит в тонусе.

В общем, распорядок дня был примерно такой: до утра пьешь водку в общежитии, орешь песни Егора Летова или «Крематория» с подоконника, потом пару часов дремлешь там, где утро застало, а часов в десять или на лекции едешь, или в библиотеку. Кстати, в библиотеке часто досыпаешь: берешь нужные книги, ставишь лимит – полтора часа спать. Руки на стол – голову на руки – поспал, проснулся, покурил – и за тексты. Одним словом, все мы успевали.

А еще в Томске, на проспекте Фрунзе, жила моя бабушка. Она была совершенно великолепна, много читала, держалась в курсе всех значимых событий и новых публикаций. Приходишь к ней – а на табуретке уже лежит подборка «Нового мира» с текстами Бердяева, Солженицына, журнал «Огонек», «Иностранная литература». Можно было на пару-тройку суток уйти в этот мир, почитать, отдохнуть – и вернуться обратно, в хаос студенчества и рок-н-ролла. Все эти измерения сосуществовали совершенно гармонично.

— Я Витю Шестакова в компании видела только один раз, и он тогда рассказывал, как сдавал с похмелья историю. Все хохотали, а я, первокурсница, в шоке была. Но это, понятно, просто эпизод. А вообще, что он был за человек?

— Витя Шестаков и по прозвищу, и по стилю жизни был панком, человеком, который любил пограничные ситуации. При этом он абсолютный эгоцентрик, всегда должен был быть в центре всякого внимания. И его харизма ему это позволяла, по крайней мере, в масштабе томско-сибирского рока. В плане сценического исполнения, в плане того, как он себя держал в качестве рок-звезды, — это было совершенно адекватно. Он не был человеком науки, жил не интеллектом, а эмоциями, аффектами. Можно сказать, что Панк — это истероидно-демонстративный тип, быстро заводился, особенно на негативе. Часто депрессировал.

— Он как-то проявлял себя как историк?

— Конечно. Мы с ним, помню, вдвоем решили украсить общежитие, нарисовали серию политических постеров, развесили их по стенам коридоров. Нам даже деньги заплатил деканат за это художество. Потом мы с ним ездили в область, в поселок, там разрисовывали школу историческими картинками. Он, конечно, был историком, просто это было для него не главным. Для него было главным: выразить свой нарциссизм через наиболее подходящую форму — через рок-музыку. Не раздумья научные, не рефлексия, а такой прорыв, драйв, напор — и потом спад.

— А с кем ты еще близко общался из музыкантов? С Шатовым?

— Да, Слава был более экзистенциально глубок, чем Панк. Витя весь был на эпатаже, а Слава весьма трагически воспринимал мир. То, что для Шестакова было шоу, для

Шатова – драмой, трагедией жизни. И песни Шатова были другого рода – это «Перепись населения», или «Повестки»: «...Она молода, на жизнь – насрать, она берет пулемет и идет убивать, убивать всех тех, кто разносит повестки»...

— Какие ассоциации у тебя возникают с этим периодом – девяностые годы?

— Однозначно – свобода. Еще перспектива, ощущение, что впереди – гигантское будущее. Что теперь должно начаться все совершенно другое. Как возбуждающее затишье перед бурей. И, конечно, был гигантский шквал новой литературы, которую можно было свободно читать, обсуждать. То есть вот буквально еще год назад ты сразу оказался бы в соответствующем комитете с вопросами дознавателя: «Откуда ты все это знаешь?» – а теперь твои поиски несоветских источников только поощряются профессорами. Для историка это был абсолютный кайф.

Жаль, что люди оказались сильно не готовы к этой свободе, к этому открытому познанию. Я помню, что был совершенно в недоумении, когда приехал из Томска, как из какого-то эпицентра исторических открытий, – в Новосибирск и устроился на первых порах в колледж культуры и искусства – преподавать историю России. И мои коллеги, стандартные такие тетешки-преподы, жаловались: как нам быть, ведь совсем непонятно, как теперь читать историю России, – столько всего открылось, столько полярных версий, – вот раньше было все однозначно понятно и потому хорошо. Я им пытался сказать, что напротив, ловите кайф – сейчас открыты все спецхраны, нет железного занавеса, идите в библиотеки, создавайте свою версию истории, ищите, создавайте новые концепты. Они же смотрели на меня, как будто я с другой планеты. А это нас, историков ТГУ, профессора приучали именно к тому, что нужно самостоятельно искать, заниматься гипотезами, не бояться экспериментов.

— А когда для тебя закончился этот период девяностых?

— Наверное, уже в 94-м году, или даже в 93-м, после расстрела парламента. Политическая система стабилизировалась, мировоззрение людей тоже. Все определились с основным: теперь надо заниматься не отвлеченным креативом, а зарабатыванием бабла. В девяностые можно было пойти в разных направлениях, развивать науку, технологии, культуру. А люди стали активировать только две способности: получать бабло и тратить бабло. И, на мой взгляд, тут все и закончилось. Общество выбрало для себя центральную линию, и я от этого выбора до сих пор сильно не в восторге.

ИНТЕРМЕЦЦО

С Виктором Шестаковым мне пока связаться не удалось, но по интернету давно уже бродят сканы интервью Мистера Панка, которое он дал газете «Корпус» в 2005 году. Большую его часть составляют разговоры о политике, но есть там и замечательный кусочек о рок-н-ролле 90-х годов. Который я и решила вставить в эту книгу.

Виктор Шестаков: **«Бороться за русские интересы меня заставила жизнь»**

ГАЗЕТА «КОРПУС». № 1 (3),
АПРЕЛЬ 2005 Г.
(ОТРЫВОК ИЗ ИНТЕРВЬЮ)

В конце 80-х годов прошлого века в Сибири был в моде антикоммунистический панк-рок. Самой известной группой этого направления была «Гражданская оборона». <...> Чуть менее известной, но ничуть не менее скандальной была томская группа «Дети Обруба». Их хиты – «Бабушка Фанни

была права» (имелась в виду стрелявшая в Ленина Фанни Каплан), «Желтый цвет измены» (где были прямо-таки жуткие по тем временам слова: «Желтые масоны – желтые жида») и «Всех не перепишите» – стали провозвестниками стиля «Ой», о котором, конечно же, в то время никто ничего не слышал (в том числе и сами музыканты).

Любое выступление группы по энергетике можно было сравнить только с выступлением современных WP-команд. В 1989 году группа «Дети Обруба» приехала в Москву и выступила на фестивале «Рок-Сырок». Москва такого не видела ни до, ни после. Зал просто сошел с ума.

Однако после фестиваля еврейская андерграундная рок-пресса (у которой «Гражданская оборона» всегда была на хорошем счету) постаралась смешать «Детей Обруба» с грязью. После чего устроители фестиваля поняли, что дали маху, пригласив на вполне либеральный фестиваль кондов-ых сибирских панков. В начале 80-х годов лидер группы и автор всех текстов Виктор Шестаков перебрался из Томска на Украину. Рок-музыка была определенным этапом, происходящие в стране события требовали чего-то большего. Сегодня Виктор Шестаков (историк по образованию, он окончил ТГУ) является одним из руководителей русского сопротивления на Украине, а кроме того, регулярно публикуется в русской прессе Украины. <...>

Сегодня мы публикуем интервью с ним.

— «Корпус»: Виктор, давай вспомним те веселые денечки.

— Отчего бы и не вспомнить. Молодость – по-любому лучшее время жизни. И надо прожить ее так... (улыбается)

— А откуда такое название странное взялось у группы?

— Все очень просто. Обруб – улица, откуда, собственно, Томск начинался, ну и в период «лигачевской трезвой инквизиции» там находился самый большой напитокный магазин. Словом, знатное место Обруб. *(В 80-х годах в СССР шла борьба с пьянством, принявшая самые уродливые формы. Инициатором стал первый секретарь Томского обкома КПСС Егор Лигачев, который сегодня является депутатом Госдумы. – Ред.)*

— Давай коротенько о вашей истории.

— Собрались мы накануне фестиваля «Рок-Периферия» 1988 года. Первый состав был сумбурным, басиста научили играть за три дня до сейшна. Но веселая текстовая антисоветчина, при мрачном драйве, свою роль сыграла. Народ проперло, и мы стали лауреатами. Кстати, еще мы были первыми в Союзе, кто зафузовал виолончель. Звук был еще тот.

Потом состав поменяли. Ушел Слава Шатов, основал свою группу «Передвижная Хиросима». Нас осталось четверо: я на фронте, гитарюга Хэвик (Андрей Старостин), Коля Апельсин с басом и Серега Гусаров на барабанах. Так и прижились. Играли на большинстве акций «Рок-Периферии». Особенно забойным был сейшн с магаданской группой «Конец, Света!». Похулиганили изрядно. Потом записали альбом «Так вам и надо».

В конце декабря 1989 года нас пригласили в Москву на второй фестиваль «Сырок» под эгидой небезызвестной Кометы – Наташи Комаровой. Там мы оттянулись основательно. Что отрадно – эстеты от «Урлайта» нас обосрали, ведь мы жидочков постебывали. Была такая песня «Желтый цвет измены»... Потом были поездки, концерты, и в 1990-м наступил кирдык. Я укатил в Хохляндию, хотя во время вылазок в Сибирь разными составами мы еще мелькали до 1993 года.

— Вы были достаточно популярны, раз даже Тёма Троицкий вас счел нужным в свою рок-энциклопедию внести. В чем причина успеха?

— Сейчас уже и не вспомнить. Хотя, думаю, в трех составляющих. Первое — конечно, ребята, игравшие в принципе без репетиций. Второе — полный отвяз на сцене (одной из фишек было выступление с тушкой сырой курицы, которую потом поедал зал), перманентные изменения шоу, причем идеи появлялись по ходу. Третье — текстовая политика. Мы построили все на народной смеховой культуре. Порой на грани балагана. Пугать совком после Летова было просто банально. Посему надо было высмеивать. Даже кто-то говорил «на уровне фаллической комедии». Вроде «Голосовать будем списком. Рукой, а не писью!»

— То есть почти все песни носили высмеивающий характер?

— Ну, достаточное количество, любимые народом «Томск-периферия», «Девичья протяжная № 2», «Чебурашки», «Полковники». Хотя были и с претензиями, как «Одеревенение», «Бабушка Фанни», «Пограничная зона», «Хорони меня в свежей могиле». Всякое было.

— А как насчет музыкальных дел?

— Здесь все было отдано на откуп Хэвика. «Металлическая база» у него была ого какая, фундамент от Metallica и Motorhead, а потом он стал слушать и Sex Pistols, Ramones, Strenglers, New York Dolls, Dead Kennedys, Birthday Party. Так все и перемешивалось.

— Каким образом под занавес перестройки вы могли уместиться в формате с апологетами сибирского панк-сопротивления «Гражданской обороной», Янкой, «Инструкцией по выживанию», «Путти», «Ассоциацией пых!», «Спинками мента», Манагером?

— Во-первых, современными категориями тогда не думали. Товарищи уважаемые, просто жили своими делами. Если мы пересекались, то все было нормально, пока не было обострений провинциального снобизма, как у Чиркина из «Путти», мол, мы в Москве с самими World Domination Enterprises играли...

Кто был мог подумать в 90-е, что когда-то мы соберемся вместе: три томских профессора – Ольга Орлова, Наталья Мишанкина, Наталья Жиликова – и питерский успешный режиссер и продюсер Надежда Светлова, – и будем вспоминать то время, когда мы беспечно болтались по Южной. Будущее было неизвестным, мир вокруг – пугающе свободным, а сами мы – восхитительно молодыми и легкомысленными тусовщицами.

Первоначальный замысел – поговорить с каждым по отдельности – в этом случае не сработал. Мы вместе сидели и вместе болтали, так что получился такой общий разговор, в котором едва-едва прослеживается начальная идея обращения к хозяйке дома – Ольге Орловой. Впрочем, первые вопросы шли еще по плану.

Две Наташи, Оля, Надя:

«Все мы вышли из Южной»

УЧАСТНИКИ РАЗГОВОРА:

О.О. – Ольга Орлова, в девичестве Оля Шкиря.

Н.М. – Наталья Мишанкина

Н.С. – Надежда Светлова

Я – АВТОР

Я: Оля, расскажи, пожалуйста, как для тебя выглядело погружение в томскую жизнь 90-х годов. Когда оно началось?

О.О.: Вообще для меня все началось в новосибирском Академгородке, где я выросла. И начались мои девяностые

НАТАША МИШАНКИНА
(в нижнем левом углу).
1990-е годы (из семейного
архива)

с того... наверное, с того, что я впервые услышала, как поет БГ. А потом увидела его вживую. Я открыла новый мир, новую музыку, потом окончила школу, переехала в Томск и пустилась во все тяжкие.

Но вообще говоря, проводником в это время для меня послужила наша знаменитая академгородковская маевка.

Мы с подругой Поле-

таевой на нее пошли, познакомились там с мужиками, которые были лет на десять нас старше, они играли на гитаре, были веселые и просто другие. Я услышала тексты, и с этого момента для меня открылась другая поэзия. Так что я была готова к восприятию новой музыки и новых песен. Это был мой язык, который я наконец-то обрела, который мог выражать мой внутренний мир. С этого синхрона началась моя история 90-х.

Но я еще одну историю по этому поводу хочу рассказать. Где-то в классе девятом-десятом я приехала в Томск, к подруге, которая была старше меня, училась в университете и жила в «тройке». Я приехала и внезапно оказалась

предоставлена сама себе – подруга моя куда-то угуляла, я немедленно познакомилась с какими-то парнями, пришла под утро... Снова гитара, песни, разговоры. Но я поняла, что вот здесь, в этом городе, в этом месте – свобода. И сразу решила, что именно здесь я буду учиться.

Я: И получила ты эту свободу в Томске?

О.О.: О да, ее можно было хоть ложкой черпать! Я училась, ходила на концерты – помню выступления Панка на Южной, концерты в Доме ученых, на Кирова где-то разные фестивали... Но вообще не сказать, что моя жизнь тогда была так уж сильно связана с музыкой. Скорее, с тусовкой, с людьми, которые пишут стихи, много читают и которые совершенно не вписываются в социум. Это было мне очень близко, такие девушки, как я, все время пытались соблюсти баланс между социализацией и истинной жизнью. Социальная, официальная жизнь казалась полным бредом, и я легко с ней рассталась, отчислившись из университета. Причем я хорошо помню свою мотивацию: мне захотелось срочно прочитать всю зарубежную литературу, которую я не успевала читать из-за пар. К тому же первая смена, вставать в 8 утра – для меня это было немыслимо. Хотя я могла с легкостью остаться в университете, просто – не захотела. И два года не училась, ушла в академ. Потом замуж вышла, довольно рано, мне 20 лет тогда было...

Я: А литературу-то в итоге прочитала?

О.О.: Конечно, всех, кого хотела, – Кортасара, Маркеса, Борхеса, Гессе и всех остальных. Это было главное, что я делала – читала. Жили мы, конечно, на какие-то копейки, и это было ужасно, ели вареный рис и гречку без всего... Хотя вообще оказалось возможным прожить на самый минимум.

Я: Сейчас ты изучаешь творчество «Детей Обруба», а с Витей Шестаковым ты была лично знакома?

— Да, но он меня не особо привлекал как человек. Дерганный был, истеричный. Очень эгоцентричный. Но его тексты – они выражали целый пласт культуры, выражали наши мысли. И нашу региональную специфику. Он был – наш, он пел о том, что нам близко и понятно, в той эстетике, которую мы разделяли. Вот это было важно, а не то, что мы где-то там беседовали, тем более что он почти всегда был под керогазом.

Я вообще нелюбопытна к людям, к их личной жизни, и это до сих пор проявляется. И подтексты, не в поэзии, а в жизни, я плохо ловлю. В свое время именно это меня увело из Академгородка, там все на подтекстах, сплошная снобистская интеллектуальная игра. Это вот Быкова прямо восхищало в свое время. А на мой взгляд – голый снобизм. Меня многие до сих пор не понимают: как девушка, которая выросла в Академгородке, для которой там были открыты всевозможные двери, – почему она уехала и не вернулась и ни капли об этом не жалеет до сих пор? Но у меня – другой путь. Я не приемлю снобизма. Вот Тэна я тоже за это не любила.

Н.М.: О Тэне вообще всегда двойственные отзывы. Одни люди его помнят как крайнего сноба, и он отталкивал их этим. А другие говорили – душевнейший человек! Может, он вел себя по-разному с разными людьми?

О.О.: Он всегда вел себя одинаково! Просто его по-разному воспринимали! И еще я ненавидела в нем гуризм. Он же гуру был, это была его позиция. Я помню случай, когда мы сидели в гостях у Райки Малковой, и Тэн там был. Выпивали, и тут он поднимает рюмку и сообщает: я никогда не пил на свои деньги! Всё! Для меня в этом весь Тэн – человек, который при всем своем великом уме и прочих достоинствах пьет всегда на деньги учеников. Мне кажется, он сразу же чувствовал мировоззренческую зависимость людей от него – и начинал на этом паразитировать.

Я: Как воспринимают сейчас люди тексты «Детей Обруба»?

О.О.: Ну, некоторые прямо спрашивают: а вы зачем изучаете сибирский панк? И когда я занимаюсь анализом текстов – простых и наивных, как чукотская девушка, – я вижу, что кое-кого это просто шокирует. Даже теперь, по прошествии стольких лет.

Н.С.: А что, что шокирует? Можешь привести пример?

О.О.: Да легко.

Крыша едет – я Володя Ульянов,

Крыша едет – я Иосиф Джугашвили,

Крыша едет – Я Никита Хрущов,

Крыша едет – я Мишка Горбачев.

Маразматики, сифилитики,

Шизофреники, параноики,

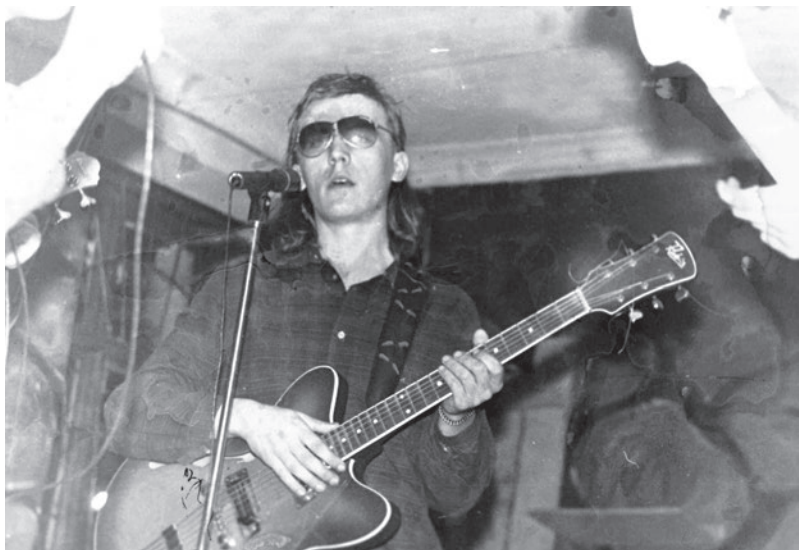
День рождения октября – это 7 ноября

Все!

Эти стихи великолепны. У них прозрачный смысл, они абсолютно историчны, потому что Панк историк. Они легко расшифровываются – и они многое говорят об эпохе. Это великолепное свидетельство определенного умонастроения эпохи. И несмотря на это – я до сих пор вынуждена отстаивать объект своего филологического интереса. Отторжение, которое он вызывает, происходит не потому, что он метафоричен. В роке есть символическое течение, но сибирский панк – другой, он политизированный.

Н.С.: Так и что в итоге, ты отстояла Шестакова?

О.О.: Конечно, и ко мне часто после конференций кто-то подходит и руку пожимает. В общем, в каком-то смысле я до сих пор диссидент. И сегодня мои доклады – они все о свободе. Но на материале 90-х годов.

Слава Шатов в «Детях Обруба» (из открытых интернет-источников)

Н.С.: А почему ты изучаешь Шестакова, а не Летова, например?

О.О.: Ну, во-первых, мне был важен именно региональный аспект. А во-вторых, почему я не изучаю Летова? Я его изучаю. Без Летова сибирский панк был бы немыслим. Но Томск все-таки очень интересен в этом отношении. Конечно, все они были разного уровня, но если говорить именно о поэтах, то, безусловно, вершины – это Летов, Янка. Я как филолог это чувствую, вне зависимости от того, что...

Н.С.: От чего?

Н.М.: От того, знаешь ты этого человека или нет, как к нему относишься. Многие любили Панка не потому, что он великий поэт, а потому, что он – свой, он рядом, он наш. Бухает в нашей «тройке». И поэтому он крутой.

Н.С.: Интересно, как это я его не помню?

О.О.: Потому что когда ты начала тусоваться, его уже в Томске не было – он окончил истфак и сразу же уехал!

Я: Надя, а как ты запомнила девяностые?

Н.С.: Так, как я запомнила... Мои девяностые пришлось на мой пубертатный период – 16 лет. В то время я очень много читала и не была знакома ни с какой тусовкой. Но в школе меня как-то мало понимали. Зато познакомилась с Леней Кужелевым, он был звукорежиссером на ТВ-2 и страшным меломаном. Мы затусовались, я стала слушать рок-музыку, ходить на рок-концерты, потом познакомилась с вами, поехала в Новосибирск, сходила на маевку... В общем, у меня они были очень насыщенные.

О.О.: 90-е годы действительно были временем свободы, когда каждый реально получил возможность делать то, что он хотел. Но мы их явно упустили, свои девяностые. И именно поэтому, быть может, мне на каждой конференции приходится доказывать ценность своего объекта изучения, сибирского панка как ответвления культуры – и лингвистической культуры, и литературы, и вообще культуры России того времени. Просто обидно, в 90-е мы на самом деле думали, что мы станем нормальной страной.

Я: Многие люди вышли из девяностых на большом плюсе – стали в итоге успешными бизнесменами, учеными, да кем хотели. Но вот из музыкантов, наверное, никто не вышел на высокий профессиональный уровень.

О.О.: Ну не знаю. Ревякин вот уехал и нормально устроился. Летову вообще нравилось, как он жил.

Н.М.: А с другой стороны – им это было надо? У них была совершенно другая позиция, и они совершенно точно не желали вставляться ни в чей формат.

О.О.: Ну разве что Шатов здесь выделяется. Вот я думаю – был чувак, безусловно талантливый. В его творчестве

очень интересный сплав шансонных штучек, криминальной романтики – и полноценного рока. Но он не смог социализироваться, вылезти из этой скорлупы, ему общество этого не позволило. Оно в принципе до сих пор не готово принимать другие, нетрадиционные пути развития личности. Изучать их – ты можешь. Как социолог, как психолог. Да и то, вызывает отторжение сам предмет исследования.

Н.М.: А мне еще очень интересен феномен Коли Федяева. Он был безусловно гибким человеком, и он мог стать музыкантом – но нет. Он стал художником!

Н.С.: А что значит – музыканты не социализировались? Как музыканты не состоялись?

Н.М.: Нет, как музыканты они выросли, и они состоялись. Но они не были приняты социально. Никто не скажет, что, к примеру, Глеб Успенский не вырос как музыкант. Он очень талантлив, но тем не менее стадионы не собирает. У него другая ниша. Он – и все они – так и не стали мейнстримом.

Я: А Шатов от этого, например, страдал. Он хотел бы собирать стадионы.

Н.М.: Они все страдали, в определенной степени. Им точно так же хотелось жить, хотелось славы, и ведь казалось тогда, что это возможно. Они выходят с новой свежей музыкой против всего этого навязшего, устаревшего – и они по сути дела такие же примерно, как «Роллинг Стоунз», по силе, по стилю и так далее. Но места для наших «Роллинг Стоунз» не было. Да и аудитории, честно говоря, тоже не было.

Я: О да, я помню, как одно время Шатов начал выступать очень регулярно и моментально увидел, что чем он чаще выступает – тем меньше приходит людей. И смысл тратить столько усилий?..

Н.М.: Это на самом деле проблема провинциального города, нашей местной субкультуры. На самом деле я до сих

пор считаю – у «Будней лепрозория» был очень сильный потенциал, не слабее, чем у «Аукцыона». И у Коли Федяева был ничуть не хуже потенциал. Они все были реально мощными группами, но... Слушать их было некому. И некому было продавать эту музыку.

ИНТЕРМЕЦЦО

Роман Шамолин

Корпоративная власть: имитация инстинкта (отрывок)

ОТКРЫТАЯ РОССИЯ. URL: [HTTPS://OPENRUSSIA.ORG/POST/VIEW/3107/](https://openrussia.org/post/view/3107/)

<...> Посредством корпоративного авторитета индивид с облегчением утрачивает тревогу от столкновения в его сознании противоречивых информационных потоков, – теперь они заменяются на систему доступных значений, где все, этим значениям не соответствующее, – или репрессивно подавляется, переносится в область преступного, кощунственного, – или просто игнорируется, вытесняясь из внимания как не-значимое. Примером здесь может послужить факт того, что в России многие из молодых людей, в 90-е годы, то есть в эпоху активной нестабильности, – активно искавшие смысловые ориентиры в чтении запрещенных ранее, в Советском Союзе литературных и философских текстов, в своем увлечении рок-музыкой, в эзотерических практиках в

стиле Кастанеды, – позже, почувствовав вкус стабильности «нулевых» годов нового века, – становятся приверженцами авторитетной православной системы мировоззрения или же погружаются в мир ценностей семьи и успешной работы. А зачастую совмещают и то, и другое. Это избавляет их от смысловой тревоги, а вместе с этим, – и от поисков, от самостоятельных движений их духа и разума.

Когда мы учились на отделении журналистики, наш преподаватель Татьяна Николаевна Черепова – великолепная, ироничная и мудрая выпускница журфака МГУ, – не раз нам говорила: «Что самое хорошее в студенчестве – здесь вы обретете друзей на всю жизнь». Она была совершенно права. И одной из таких «боевых подруг» навсегда для меня стала Лена – теперь Шипилова, а в девяностые – Лена Дараган. Конечно же, я напросилась к ней в гости затем, чтобы узнать, что она сейчас думает о наших девяностых на Южной.

Лена Дараган (Шипилова): **«Это было великолепное время»**

— Тебя интересуют девяностые годы, дух девяностых годов? Это были совершенно великолепные годы, что бы там про них сейчас ни говорили. Это мои любимые годы – и не только потому, что моя юность пришлась на них. Я не скажу, чтобы это была такая уж блестящая юность, моя зрелость оказалась куда более привлекательной, во всех смыслах. А тогда ничего не было – не хватало отношений, денег, еды, вообще всего – и тем не менее это было время открытий.

Лично мои 90-е годы начались в подростковом возрасте, когда к власти пришел Михаил Сергеевич Горба-

Сапон. Общежитие «Тройка», Южная, Томск.
1988 г. Фотография Константина ШАБАЛДИНА

чев – на мой взгляд, совершенно святой человек. Я тогда была совершенно равнодушна к политике, смеялась над такими словами, как «политбюро». Но когда я услышала Горбачева, как-то сразу поняла, что он человек-солнце. И так ведь оно впоследствии и оказалось. Это его приход дал нам эти самые чудесные девяностые. Вся наша музыка, все, что мы любим и слушаем – на кухнях, на фестивалях, все то,

что мы поем, когда напиваемся, – все это идет из 90-х. То есть первое мое открытие было в 90-х – музыка.

Второе открытие – это огромный поток информации из-за рубежа, который как раз тогда к нам и хлынул. Из Европы, из Америки. Ведь как Петр Первый в свое время прорубил окно, так к нам до сих пор все хорошее льется оттуда. Это фильмы, психология – которая до того была у нас в жутком загоне, и много чего еще.

Ну и понятно, что девяностые главным образом совпали для меня с моим студенчеством. Это определенная свобода после школы, и это знакомство с совершенно замечатель-

ными людьми. Прежде всего – с томскими музыкантами, интересными, образованными.

— И с кем ты познакомилась в Томске?

— Первый мой знакомый музыкант в Томске – это Вячеслав Сапон, сейчас он, к сожалению, умер уже. Чем он меня поразил, сейчас объясню. Я выросла в таком городке, где – что греха таить – сплошная гопота. И мне многое прощали за то, что я, например, у Пушкина, кроме «У Лукоморья дуб зеленый», знала еще много стихотворений. Прощали, терпели – я была практически в одиночестве со своими знаниями. И вдруг в Томске я увидела людей, которые знают больше – неизмеримо больше, чем я и чем все мои знакомые. С которыми можно сесть – вот как мы садились со Славой Сапоном – и на стихи Пушкина вместе сочинить песню. Для меня это было неслыханной роскошью, настоящим дивом.

Потом я познакомилась со своим будущим мужем, Витяем Блащицыным. Он тогда был в группе «Некие стеклянные пуговицы», писал стихи, музыку, играл на гитаре. Играл он и с «Детями Обруба», там вообще многие замечательные музыканты играли. Шатов, Гаккель со своей виолончелью – я с ним даже раньше познакомилась, чем с Витяем. Потом Витя Шестаков еще. Мы очень мило проводили время. У нас было такое понятие – крыша, я только у питерских студентов про крыши слышала, – мы там сидели, пели песни, сочиняли.

— Лена, а ведь ты сама отлично играешь на гитаре. Тебя никто тогда не звал поиграть в группу?

— Конечно, звали! Однажды была репетиция «Детей Обруба» буквально у нас в комнате. И поскольку отсутствовал то ли Хэвик, то ли кто-то еще, кто должен был играть на басах, – мне показали басовую партию, три ноты буквально. Ну ладно, больше чем три. Вот я партию и играла. Непри-

Виды Южной в 90-е годы

вычно было, конечно, надо было держать ритм, но кто-то там отстукивал как метроном, и мы справились с задачей. Да и потом тоже звали, когда я уже в Бердск переехала, тогда я на пианоле играла. Но тогда надо было ездить на репетиции из Бердска в Новосибирск, а у меня работа... Потому не получилось.

— Какое впечатление на тебя произвел тогда Витя Шестаков?

— Ты знаешь, это был очень умный человек. Он был именно историк – очень образованный и глубокий. Я думаю, что он в жизни потом многого добился, не мог он растерять весь заряд, который у него был. Это был интеллект, несмотря на всю его выпендрежность, пляски в пижаме и тому подобное. Я была почти на всех его концертах. Мы там бесновались, прыгали с какими-то плакатами.

Еще чувство юмора у него было просто убойное – жаль, что я не запомнила его шуток. Ну кроме одной: «Передо мной такая женщина! А я – опоссум». Здесь, конечно, надо было еще посмотреть таким взглядом... И сразу становилось ясно, что он действительно был опоссум. Это было очень смешно. Вообще его замечания были очень остроумные,

он хорошо говорил, очень интересно рассказывал. И мне кажется, что он был очень добрый человек, ну по крайней мере я так запомнила.

— Я помню, что у вас еще постоянным гостем был Борис Асеев?

— О да, Боря-рок-поэт-Асеев. Это вообще отдельная тема. Это вот как Шатов про Сапона как-то сказал – он же ПОЭТ. Буквально так, большими буквами, тем самым подчеркивая уникальность и обособленность Сапона, который и вправду к тусовкам не прибивался, самостоятельно мыслил, никогда не заискивал.

Так вот то же самое можно было сказать про Борю Асеева. Несмотря на то, что я его так смешно называю, я испытываю к нему глубочайшее уважение. Этот тот поэт, которого я хотела бы читать. Все те небольшие произведения, которые до меня доходили, – мне очень нравились. Он действительно, на мой взгляд, был Поэтом прямо с большой буквы. Он выступал на концертах со своими стихами, это очень запомнилось. Ну, пил, конечно, много, как и все тогда, но примечательно то, что не курил – а курили практически все.

Такой смешной случай был в то время, в 90-х. Ко мне пришли из какой-то газеты и попросили рассказать об Асееве. Мы с ним близко общались, потому что он дружил с моей соседкой по комнате в общежитии. И я сказала: знаете, Боря очень самобытный. Так вот вечером он пришел, я ему всю эту историю рассказала, и он – вот если можно представить такую сумасшедшую обезьяну – вот так он и запрыгал по комнате, крича: «Я такой самобытный, самобытный такой!!!» И с этими криками побежал по всей общаге. Комическая очень ситуация получилась, правда.

Я хорошо помню одну его песню:

Кто ты мне такой,

*Что я для тебя –
Иду к тебе
Не в ту степь.
Сорок семь слепых
С бархана на бархан –
Сорок лет.
Ты не только ты,
Я не только я –
Иду к тебе
Не в ту степь.
Белая любовь
Манною с небес,
Нам, слепым...*

Мы часто ее пели. В общем, я много могу говорить о Боре, и я хотела бы, чтобы у меня была книга его стихов.

— А вот вторая культовая фигура тех лет, Слава Шатов? Ты с ним была знакома?

— Конечно. Ну не так близко, ничего такого между нами не было. Могу рассказать, как мы с ним искали цветок папоротника. В общем... Была летняя ночь – ночь накануне Ивана Купалы. Мне очень хотелось пойти в лес и поискать, значит, этот самый цветок. А все остальные хотели просто сидеть и пить.

Я зашла в комнату, где сидели Витяй Блащицын, Шатов и какая-то очень милая компания наших общих знакомых, друзей, музыкантов. Хорошо. А кто со мной, искать цвет папоротника? А все не хотят, все хотят бухать. Причем в этот момент по общежитию уже носится Джипа с ведром воды – о, вот кого я бы очень хотела повидать, Джипу! Помнишь, в общежитии был такой дагестанец-крестоносец? Совершенно нестандартный, и внешне, и вообще. В общем, он носится во главе девок по об-

Виды Южной в 90-е годы

щаге, они уже всех обливают и визжат. И мне и цветок хочется искать, и с Джипой побегать – а вот бухать совсем не хочется.

В общем, в итоге со мной согласился пойти за цветком один Шатов. Вышли мы на «Буревестник», я все про цветок да про цветок, а Шатову, может, и не только цветков хотелось, о чем он деликатно мне начал намекать. Но я намеков предпочитала не понимать, у меня была другая цель!

И тут произошел такой странный эпизод... И даже страшный.. Перед нами совершенно бесшумно появляется огромная белая собака. Просто гигантская, и совершенно белая. Останавливается прямо напротив нас. И внимательно на нас смотрит. Я испугалась ужасно, замолчала и вообще попыталась прикинуться деревом. А Шатов вдруг начинает дико лаять. Причем собака не то чтобы испугалась – она с большим достоинством медленно развернулась и ушла в кусты.

В общем, цветок мы не нашли, но, по-видимому, повстречали охранника этого цветка. Вообще не уверена, что это была собака.

После этого мне стало как-то совсем скучно, Шатов увидел мое лицо и сказал – ну ладно. Мы вернулись на Южную, там по-прежнему бегал Джипа, кто-то супчик на кухне уже варил, в общем, все классно, весело. Шатов отвел меня в сторонку и говорит: ну ты, мать, извини. По-видимому, за вот эти свои намеки извинялся... Очень, кстати, деликатные. А я ему: да все нормально, пойдем суп есть. Но Шатов отказался, ушел. Вот такая была чудесная ночь.

Кстати, был у нас такой персонаж – Веста Боровикова. Она очень хорошо знала Шатова, а он ее почему-то очень не любил, и часто наезжал по пьяни. Так вот, когда Веста узнала о моих приключениях, она сказала: «Боже мой, если бы я знала, что ты в такой опасности, я бы приехала с другого конца города!» Я даже не поняла, о какой опасности она говорила. Собаку же он прогнал! В общем, Весту все это просто поразило.

Шатов был очень многогранный. И это действительно знаковое явление в музыке, и его не случайно слушают до сих пор, и не только в Томске. Мои друзья в Новосибирске его постоянно слушают, и их дети. Его песни живы, и память о нем жива.

— А в целом от 90-х годов у тебя какое осталось ощущение?

— Наверное – свободы, каких-то новых веяний, постоянного роста. Было легко создать свое предприятие, что-то открыть. Вот, например, эти замечательные школы альтернативного обучения, которые сейчас существуют – они все зародились тогда, в конце 90-х. Была дичайшая свобода – но была и дичайшая нищета и дичайший криминал. Были наркотики и алкоголь, которые многих сгубили, не дав развиться талантам. Были суицидальные настроения, и они даже преобладали среди так называемой «тусовки», подо-

греваемые гениальными строками песен Летова, Башлачева, Янки, настроения отчаяния, горечи, невозможности любви и понимания, разочарования в людях и в мире. И это неудивительно – люди, молодежь пытались осознать себя, свое место, трагические судьбы страны в XX веке, стало можно думать, чувствовать чуть шире и больше, чем при СССР. К 90-м применимо словосочетание «всё можно», и каждый сам выбирает, в каком смысле это «можно». Для меня положительный, полезный и здоровый смысл преобладает в этих словах, потому что запреты и закрытость тормозят развитие. В 90-х было создано столько чудесной музыки... Только за одно это уже стоит их любить.

Репортаж с концерта на Южной

В интернете сегодня можно найти несколько видеозаписей со знаменитого концерта «Детей Обруба» на Южной – 24 июня, 1989 год, День молодежи. Это, скажу я вам, прекрасно – ведь столько выступлений 90-х годов осталось только в памяти участников, в том числе многочисленные «спевки» в «злачных местах» общежитий – в комнатах, на кухнях, на крышах и т. д.

Но, увы, качество этих видеозаписей — реально вырвиглаз. То ли камеры были такими несовершенными, то ли руки, их державшие, такими неопытными, то ли пленки уже осыпались... Только благодаря тому, что ты там был, знаешь участников (и наизусть помнишь песни), эти записи все еще живут и идут на ура.

А давайте я напишу по ним репортаж – ведь слово не может осыпаться, не может потерять резкость, может охватить всю картину целиком.

Ну так вот, чтобы понять, какое впечатление производил Панк на слушателей, надо вспомнить – для контраста – какого-нибудь классического певца советской эстрады.

Да вот хоть Мүслима Магомаева – с его статностью и статичностью, благородным открытым лицом, классическим костюмом и хорошо поставленным голосом. На этой эстраде и этих песнях детства выросло наше поколение, которое вырвалось в Томск – а тут Панк!

Вот он появляется на сцене – кстати, это никакая не сцена, это волейбольная открытая площадка между общагами. Обшарпанный деревянный пол, камера периодически натывается на заплатки из фанеры. Вокруг площадки – с одной стороны ТГУшные общаги, с другой стороны – ТУСУРОВские. Зрители сидят где придется – на наполовину сломанных сиденьях, на каких-то железных конструкциях, а то и прямо на сцене. Их и музыкантов практически ничего не разделяет. Но какие-то условности соблюдаются – есть ведущая, она объявляет исполнителя, песню...

Панк: на нем какая-то безумная черная футболка – с огромными дырами и спереди и сзади, с какими-то пацификами – сейчас это был бы просто писк моды. Он ни минуты не стоит на месте, он все время двигается – одновременно прыгает, сгибается пополам, падает на колени, машет руками, показывает фиги. Правда, в одной руке у него огромный советский микрофон – естественно, со шнуром! – который Панк таскает за собой по сцене. Светлые волосы Панка впереди стоят дыбом – и чтобы поддержать этот эффект, он периодически дополнительно их ерошит. На лице изображен какой-то стилизованный синяк – правда, радикально красного цвета. Панк все время корчит страшные рожи, а что касается голоса – он, конечно, не поет. По большей части он орет, иногда хрипит, но текст слышен отлично, ведь в нем – весь смысл.

*Кайф устоялся, ложь размерена,
Иуда стандартизирует в цене,*

Кто-то кого-то ждать намерен,
Стоя по колено в дерьме.
Кто-то читает Маркса и Энгельса,
Пряча улыбку сарказма в лицах,
Но есть и любители доктора Менгеле,
Их улыбка – оскал волчицы.
Одни кричат, что ждут перемен,
Другие любят собственную тенью,
Третьих тревожит широта проблем,
Четвертые тащатся собственной ленью.
Рвутся струны – кайф ломается,
Исчезают яркие краски.
Граждане! Хватит дурью маяться,
Срывайте своей наивности маски!

На заднем плане камера иногда выхватывает хмурого Гаккеля в обнимку с виолончелью. Рядом еще два гитариста – тоже вполне себе неформального вида, в джинсах и рваных майках. Барабанщика почти не видно, но он есть, по крайней мере слышно его очень хорошо практически на всех записях.

Их жизнь в разрезе блестящих глаз,
Туловища тверже пластилина,
Слова, как черви сладостных пеней,
Удары, только в солнечное сплетение.
О-де-ре-ве-не-ние, всенародное одеревенение.
Блаженные страдальцы с подшитыми судьбами
Заранее мертвые кверху лапами,
Но широко раскрыты рты тем не менее –
Логику зла, внимающих с изумлением.
О-де-ре-ве-не-ние. Всенародное одеревенение.
Нафталиновые туши к креслам прикручены
Скрипит речь, как колючая проволока

*Дураков и предателей удел – молчание,
Но в генах и в крови мясников вдохновение.
О-де-ре-ве-не-ние. Всенародное одеревенение.
Блеет поколение нежных мастурбаторов,
Свобода похотливая в виде флюгера,
Шайки пайки лейки, взятки мнения
Любам трижды новым постановлением ты не расколешь
О-де-ре-ве-не-ния, всенародного одеревенения.*

Отдельным планом идет шоу на фоне песни – девушка, которую многие знают как Лидку-Хиппушку, выдвигается из толпы, передвигается по сцене – не столько танцует, сколько убегает от огромного парня, одетого – внезапно – в длинный синий халат с цветочками. Это Рома Шамолин, фронтмен «Детей Обруба». Оба они стягивают на себя внимание публики и – самое главное – операторов.

«Красный цвет»: одна из известных песен «Детей Обруба», но теперь ее текст по записи не восстановить, а сборников, посвященных томской рок-поэзии – как уже выходят сборники русской рок-поэзии, – увы, пока нет.

Публика – это отдельная песня. Конечно, это молодежь, частично в костюмах, тут же какие-то хипповатого вида парни и девушки сидят рядом с чьими-то детьми. Кто-то держит гроздь розовых шариков – ведь праздник же, День молодежи! Вдоль аппаратуры прохаживается милиция, но в процесс не вмешивается. На лицах – довольные ухмылки, люди общаются, смеются. Тут же по сцене ходят операторы с камерами.

«Пятиконечный рок-н-ролл!»

Тут усидеть не могут многие. Пулей вылетает на сцену Лидка, кто-то танцует еще. Тут камера намертво прилипает к женскому бюсту, который от танца – сюрприз – внезапно оголяется. С этой поры и практически до конца песни опера-

тор как приклеенный следит за ним, и ему даже повезло еще раз. А на сцене, между прочим, пляшет Тэн – длинноволосый гигант, еще какие-то люди – но это уже пунктиром и обрывками.

«Пограничная зона!»

Кстати, окна во всех общагах растворены, и в них тоже торчат зрители – в каких-то проемах про 6–7 человек.

На сцене начинает все чаще появляться Рома Шамоллин – халат он уже снял и теперь дефилирует в ярко-синих... ну, назовем их шортами. Он то носит какую-то девочку, то тащит какого-то мужика на руках.

Хит!

«Голосовать будем списком!»

Рома в трусах – но теперь еще и в фуражке! – выудил из толпы какого-то мужика в костюме и вытанцовывает с ним по сцене. Утомленная Лидка уселась прямо посреди площадки. На заднем плане трогательно мигает «цвето-музыка» – разноцветные лампы – зеленая, синяя, красная, желтая – над аппаратурой.

Панк тоненько поет – «рукой, а не писькой» – и в кадр попадают крайне довольные лица зрителей, и детей, кстати, тоже!

Еще один хит! «Кто это идет по проспекту Ленина?»

И все, конечно, начинают маршировать друг за другом по... площадке: Лида, Рома (опять в халате), «костюмчик», а кто-то умудряется «идти» лежа.

Страсти накаляются. Крыша едет!

Крыша едет крыша едет, я дым сигарет

Крыша едет, я вонючий сортир

Крыша едет, я рванный гондон

Крыша едет, я перегар

Маразматика

Сифилитики

Шизофреники

Параноики

День рождения октября,

День рождения октября!

Крыша едет, я октябренок

Крыша едет, я герой пятилетки

Крыша едет, я крейсер «Аврора»

Крыша едет, я жучок под столом

Крыша едет, я тяжелый маузер

Крыша едет, я синий околышек

Крыша едет, я дяденька в сером

Крыша едет, я жучок под столом

Маразматики

Сифилитики

Шизофреники

Параноики

День рождения октября,

День рождения октября!

Крыша едет, я Володя Ульянов

Крыша едет, я Иосиф Джугашвили

Крыша едет, я Никита Хрущев

Крыша едет, я Мишка Горбачев

Маразматики

Сифилитики

Шизофреники

Параноики

День рождения октября,

День рождения октября – седьмое ноября

В руках у Панка появляется бутылка – вообще непонятно, как он выдерживает этот марафон, непрерывно прыгая по сцене. Народ активно подпевает.

И это конец выступления, но не конец веселого дня и целой эпохи рок-н-ролла на Южной.

P. S. Видеозапись, как подсказывает интернет, была оцифрована с видеокассеты из архива Юлии Шерстобитовой. Тексты песен – со страницы ВК «Дети Обруба», которую какое-то время вела дочь Виктора «Панка» Шестакова.

Лично для меня самым знаковым человеком 90-х годов, олицетворением «тройки» и Южной, был и остается Витяй Блащицын. Ведь это в его исполнении я услышала почти всего Цоя, и, кстати, до сих пор считаю, что песню «Когда-то ты был битником» он исполнял гораздо лучше автора. Впрочем, и «Восьмиклассницу» тоже. Это Витяй открыл мне существование Гребенщикова, и это с ним мы всю ночь ходили по общежитиям в поисках новых записей БГ, и мы их нашли, и послушали. А потом были другие песни (в том числе его собственные), и новые знакомства, которые состоялись благодаря Витяю. И я очень-очень хотела именно от него услышать о том, какими он запомнил те самые девяностые. Да и вообще узнать уже наконец, как он попал в Томск, как познакомился с Гаккелем, и окунуться еще раз в атмосферу своей юности.

Виктор Блащицын: **«Томск был очень классным городом»**

— Мне так естественно было видеть тебя в Томске, что казалось, ты там и родился. Но ведь ты приехал туда – как, откуда, зачем?

— Это очень простая история. Можно сказать, что я родом из деревни, в 83–85 годах служил в Узбекистане, и вот там-то и познакомился с Гаккелем. Мы два года служили в одном отделении: у нас койки рядом стояли, одна тумбочка

ТАИНСТВЕННЫЙ ПЕРСОНАЖ «ТРОЙКИ» — НЕКТО МАРТИН. Южная, 1990-е годы
(из семейного архива)

была на двоих. А потом обнаружилось, что у нас много общих интересов, схожие взгляды. В общем, мы подружились. Гаккель был из Красноярского края, и до армии он поступал в Томск – на журналистику или на филфак, не помню. Он рассказывал, что сдал все экзамены на четверки, но для поступления не хватило одного балла, и пришлось поэтому пойти в армию. А я после школы годик в училище проучился, не поступал в вуз.

И вот мы с Гаккелем разговаривали о том, что будем после дембеля делать. Гаккель говорил: «Давай куда-нибудь вместе поступим, в какой-нибудь хороший, приличный вуз. У тебя есть предложение? У меня вот куча. Можно в Красноярск поступить, я там недалеко живу, а можно в Томск – у меня там знакомые есть, учатся». В итоге мы после армии договорились приехать в Томск и поступать вместе на журналистику, в ТГУ.

Приехали. И Гаккель приехал в Томск, и я. Стали поступать, и, в общем, не поступили.

— Как это не поступили? Я же помню, и Гаккель был студентом, и ты учился в Томске!

— Это уже потом было. А мы, когда не поступили, подались на рабочий факультет – рабфак. Тогда можно было после армии так сделать, охотно брали. Я пошел на исторический факультет, Гаккель – на филологический. А после этого смогли поступить уже на очное. Правда, я проучился на истфаке только один год, Гаккель подольше продержался. Он все-таки был человек очень интеллигентный и образованный, начитанный. На виолончели вот играл. Вообще был очень интересный человек. Закончил он в итоге филфак или нет, я этого уже не знаю.

А я этот год на истфаке так и проболтался. Особой тяги у меня к учебе тогда не было, это потом уже она пробудилась. К тому же, чтобы учиться, нужна дисциплина – каждый день на лекции ходить, слушать, задания выполнять... А мне больше нравилось на гитаре играть. И в итоге меня отчислили.

— Ты к этому времени уже был музыкантом?

— Да, научился играть на гитаре, когда был еще подростком. Это где-то середина семидесятых была, уже были катушечные магнитофоны, даже кассетники. Мы на них достаточно хорошую музыку слушали – The Beatles, Deep Purple, Pink Floyd. Ну и русскую музыку тоже, Макаревича, «Воскресение», Высоцкого. Дома я часто ходил на концерты – к нам приезжали «Динамик», «Машина времени», «Круиз», «Магнетик-Бэнд». И учился сам играть на гитаре, брэнчал под записи, сам что-то пробовал. Лет с 13, наверное.

— А в Томске ты сразу начал играть в каких-то группах?

— Нет, в Томске я сначала познакомился с разными интересными людьми. Они в общаге тусовались, на истфаке, на фифаке. Это Костя Харченко – учился вместе с Гаккелем, Слава Сапон. У Кости Харченко такая песня была – «Я цветочный солдат», мы ее часто пели. Еще был журналист Демаков, у него известная песня:

Я долго не могу уснуть ночью –

Мне холодно.

И дело не в градусах, просто

Мне холодно...

Ну и так далее.

Ну а потом уже я познакомился с Витей Шестаковым, с Ромой Шамолиным, и еще Шатов тогда в общаге появился. Он играл очень хорошо, всегда играл лучше всех. Тэна тоже знал, но он жил в «восьмерке», в соседнем общежитии. Вот такая у нас была компания.

И вот Шестаков как-то говорит: надо создать группу. Панк-группу. Вы все будете играть, а я песни исполнять. В группу взяли Диму Дмитриева, Колю Бобкова, – в общем, всех, с кем были знакомы. Панк на гитаре играл не умел, Шатов умел. Гаккель на виолончели. Так вот «Дети Обруба» и возникли.

Репетиций вообще никаких не было. Шатов показал всем, за какие струны надо дергать. Мне дали бас-гитару – а я ее и не видел никогда вообще, не то что играть. Ну да ничего, в 87-м году вышли выступать на фестивале. Там были томские команды. Играли что-то тяжелое, металл какой-то. Панк бегал по сцене, как всегда всех эпатировал, а за ним бегал Костя Сницер в белом халате – типа он врач и должен Панка забрать в больничку. Панк пел «Одеревенение», «Когда Чебурашки пойдут в атаку» и еще что-то такое. Было вообще классно, группа поддержки кричала, сразу поклонники

Витяй Блащицын и автор.
Общежитие «Тройка», Южная,
Томск. 1989 г.
(из семейного архива)

появились. В общем, вот так и появились «Дети Обруба». Я с ними один или два раза сыграл. А потом уже в команде другие люди появились – Хэ-вик играл на гитаре,

кто-то на басы, барабанщик, Шатов вот с ними играл. «Дети Обруба» потом и на «СыРок» ездили в Москву, очень положительные о них были отзывы. Я помню такие слова: «интересная профессиональная команда», «эпатажный вокалист выбегает на сцену с курицей и противогололом», «публика в растерянности, но очень интересно», в общем, так как-то. Свежая струя в болоте тяжелого рока.

Потом началась история «Передвижных Хиросим», это очень интересный момент.

— А как же «Некие стеклянные пуговицы»?

— Это потом было, сначала «Передвижная Хиросима». Шатов взял меня и Колю Бобкова, мы два раза выступили. Потом Кузнецову привлекли, одно время Хайдар играл на гитаре. Барабанщики всегда хорошие были у Шатова. Но самый сильный состав был у команды, когда там Тема играл, Шатов, Кузнецов и Рома Войтенко. Тема играл очень хорошо, и тогда они сделали все свои самые лучшие вещи.

А Юлия Шестобитова, которая создала «Некие стеклянные пуговицы», она вообще томичка была, но много времени проводила в Новосибирске, Омске, знала там очень многих музыкантов. В Томске познакомилась с Шатовым и всей

АНДРЕЙ ЗАЙЦЕВ – Зая. 1990-е годы.
ФОТО ИЗ АРХИВА ЮЛИИ ЗАВЬЯЛОВОЙ

этой тусовочкой и тоже решила создать группу. Песни она писала сама, говорит мне: давай поиграешь у меня. Я уже на бас-гитаре к тому времени мог играть и на гитаре. Из «семерки» был Вовка, он на саксофоне играл. В общем, мы собрали команду. В Москве один раз выступили, два раза в Томске. Какой-то фестиваль был на улице, я потом в интернете видел – мы выступали, Шатов там пел «Собачья жизнь». На этом история группы и закончилась.

Потом я в группах уже не играл, но на концерты ходил, слушал Шатова, Заю, «Танцы с муравьями».

— Расскажи какие-нибудь истории из того времени, ну не знаю, про себя, про Шатова.

— Ну вот Шатов. Он вообще боевой был, как выпьет – мог начать сильно задираť людей, даже страшно иногда рядом с ним было – как бы не попало под горячую руку. Мог такое что-нибудь сказать, очень обидное.

И он был очень умный. Много читал, хотя я вот так и не помню, чтобы видел его с книгой. Но мы когда разговаривали, он некоторые вещи говорил, для меня просто дикие – а потом оказывалось, что он был прав. Видел самую суть вещей. И авторов таких читал, о которых я даже не знал. Но человеком был, конечно, сложным.

А истории вспоминаются всякие такие... Ну вот, например, мы тогда только познакомились – Шатов, Сницер и я. 87-й год, в Томске сухой закон. Водки нет, всё по карточкам.

И у Шатова возник план. А поедемте, говорит, в Тайгу – там водка свободно продается, по 10 рублей. Мы ее накупим, привезем в Томск и здесь продадим по 20. Денег заняли у кого-то (может быть, даже у Роника). Поехали, купили ящик, обратно сели в товарный вагон и прямо там эту водку начали пить. Пока приехали в Томск – половины нет. Оставшееся допили с Роником. Так у нас бизнес и не удался.

Ну или вот как-то раз Шатова вокруг пальца обвел какой-то аферист. Появился в Томске, объявил себя журналюгой, познакомился с Шатовым. Я, говорит, очень хороший продюсер, я всех в Америке знаю, познакомлю тебя с классными людьми. Одет, главное, прилично, и речь такая внятная. Эдик, по-моему, его звали. Мы тогда сидели и пили клюквенную настойку – а она дорогая, по 3 рубля была. Ну раз такое дело, решили мы еще выпить, и Эдик штук 15 бутылок выпил с нами. Мы уже размечтались... Ну а потом оказалось, что он просто болтун, никаких связей у него не было, и ничего у нас не вышло.

— С каким чувством ты вспоминаешь это время? Ностальгируешь по девяностым?

— Ну у меня скорее это период конца 80-х и до 1992 года, когда я уехал из Томска. Есть такой фильм – «Семь лет в Тибете», с Брэдом Питтом. Так вот, если бы я снимал такой фильм – я бы назвал его «Семь лет в Томске». С 1985 по 1992 год я здесь прожил, и – как и в фильме – тоже изменился, можно сказать – переродился. Ведь Томск очень классный город, здесь собираются студенты, молодые, энергичные, романтические. Многие стихи пишут, все читают, учатся. Рефлексируют. В Томске очень много интересных людей, я со столькими там познакомился! Мишу Августа вот вспоминаю, и Тэна, а еще помнишь – был такой Март. Сейчас бы сказали, что это креативные люди. И они ведь все были

образованные: Панк истфак окончил, Тэн – на философском учился, Миша – на медицинском. Джоник, Хананов – все были студентами. Может быть, поэтому в Томске всегда были очень интересные тексты, и музыка тоже. Ну понятно, что влияние западной музыки было – оно у всех было. Но если даже с Новосибирском сравнить, музыка достаточно однообразная по сравнению с тем же Шатовым. И в Томске интересно говорили о музыке – тот же Тэн, и Тема, и Шатов, и Зая. Зая был очень хороший поэт к тому же, его Шатов очень поддерживал вначале, видел в нем какую-то искорку. Некоторые аранжировки ему показывал.

Даже не знаю, с чем можно Томск сравнить. Во многих городах были интересные группы, в Красноярске, в Новосибирске – «Путти», «Клаксон Гам». Ну и, конечно, «Гражданская оборона». «Калинов мост». Даже не буду тратить время, перечислять все команды – они в каждом городе были. И рок-клубы во многих городах были – а в Томске, кстати, так его и не создали. Но в Томске очень сильно было именно влияние тусовки, это продвинутая молодежь студенческого города, и это было очень значимо.

Кода

(ИТ. CODA — ХВОСТ, КОНЕЦ) — ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОБЫЧНО ЭНЕРГИЧНОГО, СТРЕМИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, УТВЕРЖДАЮЩИЙ ЕГО ОСНОВНУЮ ИДЕЮ, ГОСПОДСТВУЮЩИЙ ОБРАЗ (ИЗ СЛОВАРЯ).

«Как, и это всё? – воскликнули первые читатели, дочитав до последней страницы. – Но этого мало! Мы хотим читать дальше!»

И это «дальше» обязательно будет! Ведь наши девяностые были такие разные, эта книга – даже не краешек, а только часть контура огромной темы, включающей в себя разнообразные сюжеты, связанные не только с музыкой. Но что касается этой книги – я ставлю точку, признаваясь, что мне потребовалось немало сил, чтобы дойти до нее. Погружение в прошлое – дело, как выяснилось, непростое. Но мы справимся вместе, верно?

Томск – периферия,

Иллюзорный мир.

У них – окно в Европу,

У нас – окно в Сибирь, – в таком виде теперь в интернете существует текст одной из песен Мистера Панка (хотя сам-то он пел – «окно в сортир»).

Но мир-то все равно был – иллюзорный.

Я хочу восстановить этот иллюзорный мир.

Я хочу понять, почему он был такой судьбоносный.

Я говорю спасибо всем тем, кто откликнулся на мой призыв, кто встретился и рассказал о своей молодости, кто

не пожалел времени и сил, чтобы поправить текст. И позволил выпустить эту книгу – очень важную для меня.

Пишите мне о своих девяностых, проведенных в Томске!

Расскажите, какие они были!

Мой адрес: **retama@yandex.ru**

Некие / СтеклЯнные пуговицы

"Во мне и в стране" ф Апрель 1990

1 Лёд

2 Ты можешь быть свободным

3 Искажения

4 Очищение себя

5 В стране бесилия

6 Последние станут первыми

7 Я чувствую-надо уйти

8 Валис

9 Всё что осталось (запротый вариант)

Посвящается эпохаль-
ным / для меня / событиям
86-87-88 года, по време
которых и вышел этот
альбом.

Запись произведена не в самих поганых условиях,
сугубо по ночам, а именно:

20-21 апр. ДК ТЭМЗ - Басы, Барабаны,
23-24 апр гитара, Задний вокал

25-26 апр ОБЦ, Н5 Studio Харченко - гитара,
соло-гитара, саксофон,
вокал, сведение

Состав:

Юлия Шерстобитова - Автор текстов, воc, басс воc

Виталий Блажичук - бас, ритм-гитара, автор музыки.

Сергей Артемюк - соло-гитара, ритм-гитара

Коля Кононенко - барабаны

Володя Братчук - саксофон

Звук: Артур Мельхер, Сергей Бугаев (ДК ТЭМЗ)
Сергей Харченко (обц. Н5)

«НЕКИЕ СТЕКЛЯННЫЕ ПУГОВИЦЫ» (Ю. ШЕРСТОБИТОВА) - «ВО МНЕ И В СТРАНЕ», 1990Г.
Источник: ГРУППА ВК «А КТО ЭТО ИДЕТ ПО ПРОСПЕКТУ ЛЕНИНА?», 21 июля 2014 Г.

Кочегарка Цоя. Инсталляция. 1988 год. (Из семейного архива).

Передвижные Хиросимы. 1990 г.
Сидят: Артем Жиялков, Слава Шатов.
Стоят: Рома Войтенко, Лена Кузнецова.
Из семейного архива

Литературно-художественное издание

Наталья Куртукова

Рок-н-ролл на Южной

Воспоминания и размышления
о «девяностых», о музыке и о нас

Редактор Н. В. Жиликова
Корректор А. Н. Воробьева
Дизайн, верстка О. Е. Грибов

Подписано в печать 18.11.2019

Форма 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Fedra Sans Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л.: 9,5
Тираж 200 экз. Заказ № 666.